

ЭКСПАНСИЯ

[ЦАРЬ ФЕДОР]

ЕЩЕ ОДИН ШАНС...

Роман
ЗЛОТНИКОВ

Царь Федор

Роман ЗЛОТНИКОВ

Еще один шанс...

«Автор»

2010

Злотников Р. В.

Еще один шанс... / Р. В. Злотников — «Автор», 2010 — (Царь Федор)

Как сказал Сталин – история не знает сослагательного наклонения. Ну а фантастика – знает. Так что добро пожаловать в новый мир. Мой новый мир... Кто: успешный российский бизнесмен тридцати семи лет от роду, образование высшее (три штуки, в том числе бакалавриат в Гарварде), холост, не судим, владелец трех квартир (Москва, Лондон и Ла-Валетта), двух домов (Малага и Флом), парка роскошных авто, а также одной яхты. Что было: абсолютно все, что в России сопутствует желанию делать большой бизнес и закаливает характер. Что будет: вдруг окажется в глубокой за... то есть в глубоком прошлом. В неизвестно каком году накануне Смутного времени. В теле десятилетнего пацана. И без какого бы то ни было влияния и возможности воздействовать на ситуацию. Чем сердце успокоится? А вот это мы еще посмотрим!

Содержание

Пролог	6
Часть первая	15
1	15
2	22
3	31
4	39
5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман Злотников Еще один шанс...

Уважаемый Андрей!

Удачи вам в работе —
и много хороших идей!

Р. Злотников.

С искренней благодарностью за помощь в работе над романом
Борису Юлину, а также Яне Боцман и Диме Гордевскому, известным как
писатель Александр Зорич.

Автор

Пролог

Я сидел на юте своей яхты и ел борщ.

В принципе в этом не было ничего особенно необычного. Во-первых, я люблю борщ, и, во-вторых, моя яхта – что хочу, то и делаю. Тем более такое занятие, как употребление борща, общественную мораль никак не шокирует. Так что и с этой стороны никаких претензий ко мне также предъявить нельзя. А если даже и можно, то вот вам визитная карточка моего адвоката. Звоните ему в любое удобное для вас время...

Борщ у меня получился что надо. Густой, наваристый, чтобы, так сказать, ложка стояла. Одна беда – сметаны здесь днем с огнем не сыщешь. Вместо сметаны мне приходилось довольствоваться местным йогуртом, который я купил здесь же, в супермаркете, что на углу торговой галереи. После того как мой повар заявил, что объездил всю Ситонию – и Нео Мармарас, небольшой городок, до которого можно было добраться отсюда, из марины¹ Порто Каррас, на рейсовом катерке всего за два с половиной евро, и расположенный чуть подальше Никити, и Агиос Николайос, порт, из которого каждый день отправляются круизные суда вокруг того самого знаменитого Святого Афона, и еще с дюжину городков и поселков. И нигде не обнаружил сметаны. Все остальное – запросто, но вот сметана... Вот тогда мне и пришлось самолично переться в этот самый супермаркет и, морща лоб, искать хоть что-то, что могло бы пусть и отдаленно, но заменить сметану.

Вшивый, я вам скажу, здесь магазинчик. Совсем не «де люкс». То есть звездности отеля никак не соответствует... Впрочем, я не думаю, что у них так уж часто останавливаются клиенты, которым взбредает в голову лично заняться приготовлением борща. Или еще чего-то эдакого. Да еще при наличии собственного повара. А рестораны у них вполне комильфо. Ну если не забывать, что это все-таки *отельные* рестораны, куда люди ходят больше от лени, от нежелания куда-то ехать, от общей разморенности, в конце концов. Что и накладывает свой отпечаток на любой отельный ресторан. Будь отель хоть двадцати двух звезд, а ресторан увешан аж десятком мишленовских. Я еще ни разу не встретил по-настоящему хорошего отельного ресторана. Для меня отельный ресторан – это диагноз. Причем окончательный. Потому что не может быть «правильным» ресторан, для того чтобы попасть в который надо всего лишь *никуда не ходить*. Нет, у меня есть пара знакомых шеф-поваров отельных ресторанов, они могут сделать нечто действительно стоящее. Например, Тьерри в Ницце или Самонере в Ла-Валетте, но для этого они должны знать, что они готовят *для меня*. А не для своих обычных клиентов. Пусть даже значительную долю их составляют настоящие гурмэ, и среди них вряд ли найдется хоть кто-нибудь «вешающий» менее пятидесяти миллионов фунтов стерлингов. И дело вовсе не в том, что я «вешу» больше. Все равно по этому параметру я далеко не в первой десятке клиентов Тьерри или Самонере. Есть и куда более «грузные» дяденьки. Просто я – это я. И они знают, что, несмотря на вполне законно полученные каждым из них три мишленовские звезды², я вполне могу кое в чем их удивить. Не во всем, конечно, далеко не во всем, в конце концов, они – профессионалы, а я – любитель, но кое в чем – точно. Потому что я не только люблю, но и *умею* готовить. Повар у меня чаще используется для того, чтобы шляться по рынкам и набивать холодильник свежими продуктами, чем по прямому назначению. Ну еще и как стюард, конечно...

¹ *Марина* – порт для яхт с оборудованными стоянками, заправками и остальной инфраструктурой. – *Здесь и далее примеч. авт.*

² *Три звезды Мишлен* – наивысший рейтинг, который присваивается ресторану. Упомянутые главным героем выше «десяток мишленовских» звезд – просто ерничанье.

Впрочем, иногда ему приходится трудиться и по штату. Дело в том, что готовлю я, как правило, исключительно для себя. Редко для кого-то еще. Так что для всяких вечеринок, которые мне, куда уж деваться, время от времени приходится устраивать у себя на яхте и которые пользуются бешеной популярностью как раз благодаря хорошей кухне, готовит у меня повар. Несмотря на то что в тусе ходят слухи, что готовлю для вечеринок именно я. Ну хотя бы главное блюдо. Гвоздь программы, так сказать. Мол, потому оно и получает такое-такое, круче чем в любом ресторане. Но это миф. Стану я еще напрягаться для всякого гламурного быдла. А на вечеринки, за редким исключением, ходит именно оно. Потому что больше ему и заняться-то нечем. Бедные животные... Но я этот миф не развеиваю. К тому же готовит мой повар вполне прилично. Даже по моим меркам. А не устраивать вечеринки нельзя. Они для того, кто хочет оставаться в тусе, – неременная обязательность. К тому же кое-какую пользу они приносят. Как нормальная среда для сбора информации, завязывания новых знакомств и поддержания старых. Что в бизнесе едва ли не самое важное. Тем более что данное занятие является зоной прямой и непосредственной обязанности именно и почти исключительно владельца бизнеса... Практически все остальное способны взять на себя приглашенные менеджеры, юристы, секретари, а вот непосредственные контакты, так сказать, с первыми лицами – шиш. Тут приходится напрягаться самому. Да еще как напрягаться... Потому что именно во время таких контактов все по большей части и решается. После чего всем этим трудящимся в поте лица менеджерам, юристам, секретарям и иже с ними только и остается правильно и своевременно оформить достигнутые договоренности... Ну и кроме того, между пришедшего стада иногда появляются очень привлекательные экземпляры «тел». Кое-то затем, покончив с делами, вполне можно придержать на яхте на пару-тройку дней и предаться свальному греху. Дольше – вряд ли. Пары дней вполне достаточно для того, чтобы прочистить мозги и еще раз убедиться, что бабы – зло.

Так вот, я сидел на юте и ел борщ. А что бы кто там ни говорил, в борще главное – это сам борщ. Нет, все остальное – сметана, налитой чесночок, холодная водочка, свежий и ароматный черный хлеб – тоже важно. Но меньше. Как необходимое, но все же дополнение. К тому же чесночок у меня был, вместо сметаны я нашел этот густой йогурт, а с черным хлебом у меня тоже все было в порядке. Хлеб был. Причем правильный. Этаким, с одной стороны, еще свежий, а с другой – чуть зачерствелый. Самое то, что надо. Четыре буханки в вакуумной упаковке мне доставили два дня назад. Мой самолет. Не сюда, конечно, здесь, в Порто Каррасе, полосы нет, а в Салоники. Ну подумаешь, сотня с небольшим километров.

Повар на такси обернулся за три часа. Можно было бы, конечно, не гонять самолет, а просто отправить повара в Салоники, где, несомненно, до черта русских магазинов. Но дело в том, что *правильного* черного хлеба там отродясь не бывало. И вообще, все, что продается в русских магазинах в Западной Европе, изготовлено отнюдь не в России. Чаще всего в Германии, иногда, при удаче, в Литве или Польше, коих мы за время, что они были в составе Российской империи, все-таки кое в чем слегка поднатаскали, но уж точно не в России. Так что правильного черного хлеба там быть не может по определению. Казалось бы, что мешает повторить такое же со сметаной? Но послать самолет за этим продуктом мешали два обстоятельства. Во-первых, завезя мне несколько буханок черного хлеба, мои «крылышки» улетели на сервис и сейчас торчали где-то в Лютоне³ со снятыми капотами двигателей. И, во-вторых, я, конечно, временами борзой, как и многие другие мои сограждане из числа таких же, как и я, стремительно разбогатевших нуворишей, но гонять самолет за банкой сметаны *специально* – это слишком даже для меня. Вот если по пути на сервис, то тогда ладно...

Впрочем, если пойдет слух, что я специально гонял самолет за буханкой черного хлеба, я его опровергать не буду. Пусть так и говорят. Как я понял уже довольно давно, считаться человеком, *настолько* погруженным в свою причуду, скорее полезно, чем наоборот... Так что

³ Центр сервисного обслуживания самолетов Gulfstream в Лондоне.

оставалось утешаться тем, что борщ у меня получился что надо... ну и что с последним ингредиентом правильного борща – холодной водочкой – у меня все в порядке. За этим-то продуктом мне никогда гонять самолет не придется. Уж будьте уверены. Как бы кому ни хотелось. Потому что, даже если во время вечеринки и случится совсем уж невероятное событие и мне придется распечатывать мой неприкосновенный запас, я скорее выставлю на стол выдержанный вискарь, или граппу, или даже хороший старый шартрез (хотя последний таким образом переводить все-таки жалко), но несколько бутылок водки так и останутся на месте. И вовсе не потому, что я такой уж фанат водки. Я вообще не слишком по этому делу... Но есть у меня несколько любимых блюд, кушать которые «помимо водки», как говаривал мой дедуля, просто грешно. Тот же борщ, например...

– Фэдор?

Я поднял голову. У трапа стоял мрачный Джек. Джек мой сосед по марине. Его яхта припаркована через две стоянки от моей. Ничего так, хорошая яхта, тоже «Falcon», но чуть больше, чем у меня. Тонн на сто двадцать потянет. Причем, в отличие от меня, яхту он брал скорее всего новой, а не как я свою – подержанной. Но Джек яхтсмен опытный, мотается по морям в свободное от бизнеса время уже лет двадцать. А я только шесть. А на «Falcon» вообще всего лишь три года. Мы с ним познакомились в позапрошлом году в Лондоне. Когда я туда приплыл. Сам Джек, представьте себе, там живет. А почему бы и нет, кстати? Ведь он, в конце концов, чистокровный англичанин.

Я махнул рукой – заходи, мол. Джек все с тем же мрачным выражением лица протопал по трапу и уселся на свободный стул напротив меня.

– Дерьмо... – мрачно поприветствовал он меня.

Я кивнул и мотнул головой в сторону своей тарелки:

– Будешь?

– Что это? – скорее из вежливости, чем потому, что это его действительно волновало, поинтересовался Джек.

– Борщ.

– Борч? Борч... – Джек озадаченно попробовал языком незнакомое слово и решил, что оно ему не понравилось. – Нет, борч не буду.

Я понимающе кивнул и, встав из-за стола, сходил в каюту к бару. Уж чего-чего, а рюмок у меня на борту было раза в два больше, чем гостей, которых номинально вмещала моя яхта. А это как-никак двенадцать персон. Впрочем, максимально я яхту еще не загружал ни разу. Не люблю, знаете ли, толпу в том месте, где расположена моя нора. Нет, потусоваться я часто не против, но всегда стараюсь устроить так, чтобы потом, когда мне это дело поднадоест, мне было бы куда уползти. Причем частенько даже одному, а не прихватив с собой одну-двух неутомимых телочек... Хотя и такие варианты отнюдь не редки.

Я грохнул на стол хрустальную рюмку, настоящую, мозерскую, купленную в том самом магазине Реомюра в Карловых Варах, откуда сей предмет сервировки и начал свое победное шествие по миру, и, ухватив запотевшую бутылку, накатил Джеку до краев.

Джек мрачно кивнул и, цапнув рюмку за тонкую ножку, резким движением опрокинул ее в рот. Гулкий глоток, и рюмка вернулась на стол уже пустая. Теперь следовало подождать...

Я дохлебал борщ, отнес тарелку в мойку и вернулся с деревянной миской квашеной капусты и последней упаковкой хамона. Для полной классики вместо хамона должно было бы быть сало, но где его здесь возьмешь? Эх, врут люди, врут, не все в Греции есть...

Разлив по второй, мы с Джеком все так же молча опрокинули в себя водку, зажевали оную хамоном и захрустели капусткой. Нет, Джек, он в принципе парень обученный. Чем правильно закусывать водку знает. И чокаться уже умеет. Но в этом настроении его лучше не трогать. А то он способен разразиться длинной речью о том, как неправильно устроен мир, как изменились и обыдлись люди и как все стало хуже со времен королевы Виктории и великого

Кипплинга. А если так, молча, по чуть-чуть, доливать Джека водочкой или еще чем-то крепким, то минут через двадцать он размякает, теряет, так сказать, дизраэлевский⁴ пафос и становится вполне приемлемым в общении. Главное, не спровоцировать его раньше времени...

– Жлобы они, – пожаловался мне Джек спустя несколько минут.

– Кто?

– Греки, – сурово заявил он.

Я отреагировал вскинутой бровью. Если Джек еще не до конца вышел из прежнего состояния, то лучше на его сентенции реагировать именно так, скупно.

– В мире бушует кризис, – столь же сурово продолжил Джек, – все вокруг снижают цены, сокращают издержки, а что делают они? Знаешь, насколько дороже обошелся мне номер в этом году? Немудрено, что они на грани дефолта!

Так вот оно что... Я понимающе кивнул. Джек приезжает в Порто Каррас отдохнуть, что в его интерпретации включает в себя два обязательных пункта. Во-первых, отправиться отдохнуть он должен обязательно на яхте, и, во-вторых, в каком-то из пунктов маршрута ему необходимо ненадолго остановиться, переодеться в смокинг и поиграть в казино. Поэтому он, в отличие от меня, предпочитающего квартировать на яхте, снимает номер здесь, в Порто Каррас, в отеле «Meliton». Впрочем, все эти дополнительные расходы для бюджета Джека что слону дробина. За исключением одного-единственного случая. Если он уж очень сильно примет на грудь и соответственно начнет совсем уж неадекватно оценивать окружающую обстановку. Тогда он перестает играть по маленькой и начинает ставить не на красное-черное, а на номера. И совершенно немзыкально орать что-то из репертуара ливерпульской четверки, распад которой как раз и пришелся на времена его тинейджерства. Что заканчивается вполне предсказуемо... Так что если Джек начал считать деньги, это означает, что сегодняшнее мрачное состояние духа вызвано тем, что он вчера довольно солидно продулся в казино. И, как это все и описано в любом учебнике по психологии, с утра выстраивает некую компенсаторную теорию, долженствующую вывести его проигрыш из области личной ошибки в область неких стихийных явлений или происков других людей. Что ж, раз так, то, пожалуй, еще одна рюмка, и с Джеком уже можно будет нормально разговаривать. С этими мыслями я потянулся к бутылке, но в этот момент на ют вышла Светла. Она была в халате, совсем ненакрашенная, с растрепанными волосами и сонным выражением лица, но Джек тут же сделал стойку. Он был тем еще кобелем. Впрочем, на Светлу так реагировали, похоже, даже абсолютные импотенты и стопроцентные геи. Ну есть в ней нечто совершенно первобытное, животное, глубинное, что заставляет мужика непроизвольно выпячивать грудь и напрягать бицепс... ну или грозно взмахивать пухлым бумажником. На это действие современные самки, увы, ведутся куда как успешнее, чем на любой напряженный бицепс...

– Фэдор, ты познакомишь меня с твоей мисс...

– Мисс Светла. – Я добродушно усмехнулся про себя.

Нет, здесь Джеку было полное непрохонже. Светла, конечно, девочка не промах и все время находится в состоянии охоты за будущим мужем, причем наличие у претендента на сей высокий пост собственной яхты после нашего совместного двухнедельного путешествия уже, похоже, внесено в перечень неперенных требований, но сейчас она работает по контракту. После нескольких бурных романов я пришел к окончательному и бесповоротному выводу, что бабы – это существа, основное предназначение которых сосать мозг у мужчин, и решил, что семейные узы, пусть даже пока и чисто гипотетические, вещь для меня невозможная. Поэтому я постепенно выстроил такие взаимоотношения с противоположным полом, какие меня абсолютно устраивают. Дамы, сопровождавшие меня в моих путешествиях, особенно если я пред-

⁴ Дизраэли Бенджамин – английский политик, премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг., лидер Консервативной партии. Прославился своими речами.

почитал путешествовать на яхте, твердо знали свое место, свои обязанности и... сколько они за это получают. Окончательный расчет я всегда производил в конце. А то еще попадетсЯ какая-нибудь необычайно хитрая стерва, разыграет умело скандал, после чего я ее, естественно, выпру. И она отправится домой с моими деньгами, довольная как слон, причем так и не отработав положенного. В принципе денег мне не жалко, таких девочек я могу ежедневно покупать по дюжине зараз, но, когда меня разводят на бабло, это плохо отражается на моей самооценке. И тогда я становлюсь весь такой злой и раздраженный, а, как известно, все болезни – от нервов. А оно мне надо? Себя нужно беречь...

Светла была хорваткой, начинающей моделью и актрисой. Если к перечисленному добавить еще слово «телеведущая», то это бы окончательно дополнило перечень, отпечатанный на визитке любой высокооплачиваемой современной шлюхи. Уж не знаю почему, но сейчас они предпочитают именовать себя именно так. Во всяком случае, я пока еще не сталкивался ни с одной такой «актрисой, моделью и телеведущей», которая не оказалась бы у меня в постели спустя всего лишь... от часа до суток после того, как она представилась мне сим образом. Причем чаще всего время зависело исключительно от моих желания и загруженности. Впрочем, насколько мне помнится, во времена трех мушкетеров такие дамы предпочитали именовать себя белопшвейками. Так что какие времена – такие и названия... Что же касается этих самочек, у меня даже сложилось впечатление, что это не я их, а они меня соблазняют. Особенно часто это происходило где-то года полтора назад. По-моему, в моей постели за неполный год побывал весь телевизор. Все каналы, вместе взятые. То есть их женская половина, естественно... Ориентация у меня, к счастью, совершенно немодная... Впрочем, телевизионную жвачку я не смотрю уже давно, невзирая на то что в моем сюжете установлено аж три штуки самых навороченных телевизоров, и у самого маленького экран дюймов пятьдесят по диагонали. Но это заморочки дизайнера, а не мои. Однако когда я в тот период время от времени включал этот зомби-ящик, у меня сразу же возникало дежавю. Потому что вот эта, которая с ослепительной улыбкой на сорок четыре зуба вещает мне с экрана, покинула мое холостяцкое жилище не позже чем полчаса назад... а вот та в этот момент вообще плещется в моем душе. Очень меня тогда это ощущение прикалывало... Впрочем, возможно, дело было в том, что там у них, в телевизоре, как раз засилье людей с «модной» ориентацией и у всех этих «актрис, моделей и телеведущих» просто обыкновенный недотрах?..

Правда, долго эти отношения у меня не продлевались. Потому что уже через несколько дней вовсю разворачивался процесс сосания мозга. Мне начинали звонить, щебетать в трубку, требовать, чтобы я немедленно, сейчас же, и в Париж, и в Лондон, и в Милан, «ну как же так, пусик, ну ты же все равно туда летишь...», так что я плюнул и перешел, так сказать, на более формализованные отношения. А что? Все что мне требуется от баб в этом случае я получаю куда как более аккуратно и куда более высокого качества, да еще и нервы никто не треплет. И по деньгам выходит едва ли не дешевле.

– Мисс Светла, разрешите представиться... – завел Джек свою обычную чечетку, которую я не раз наблюдал в его исполнении в Сохо. Он был слегка двинут на викторианстве, и потому процесс «гона» у него выглядел эдак по-джентльменски старомодно.

Светла бросила на меня настороженный взгляд и, уловив мою разрешающую улыбку, кокетливо улыбнулась и протянула ручку. Джек впился в нее губами. Да уж, так можно девочке и синячок сделать. Вообще-то Джек – истинный англичанин. И по привычкам и по характеру. Со всеми вытекающими отсюда достоинствами и недостатками. Достоинства... ну то есть то, что я считаю таковыми, мне у них нравятся. Например, англичане не шибко ведутся на показную роскошь. Наши нувориши... ну ладно, и я в том числе, чего уж тут скрывать-то... одно время из всех сил из штанов выпрыгивали, пытаясь сделаться в этой английской тусовке своими. Ибо английская тусовка до сих пор числится самой крутой на планете. То ли по привычке, то ли играет роль наличие конкретно в этой тусе такого крутого девайса, как королева,

то ли дело в чем-то еще, чего я пока не сумел обнаружить, но факт остается фактом. Если тебя признали в Лондоне, то во всех остальных крутых туснях по всему миру к тебе будут относиться с уважением. И ты везде будешь считаться человеком «их круга». А вот наоборот – получается не всегда. Даже имея миллиарды, соря деньгами и будучи признанным светским львом в Торонто, Риме или Нью-Йорке (не говоря уж о нашей «деревеньке Ма-асковке»), ты все равно можешь наткнуться на поджатые губы и носить снисходительный титул «этого простоватого парня из Айовы...». Так вот, заработав бабла, мы кинулись в Лондон, чтобы стать совсем уж «как настоящие», но оказалось, что ни безукоризненный английский, ни Vasherop Constantin на запястье, ни прислуга, состоящая сплошняком из индийцев и филиппинцев, ни наемный шофер на личном «Rolls-Royce» не служат пропуском в лондонский свет. Нет, деньги есть деньги, и, что бы там ни говорили всякие интеллигентские морды, к людям, распоряжающимся капиталом свыше тридцати миллионов фунтов, англичане относятся вполне благо-склонно. Даже если эти капиталы и слегка, так сказать, с криминальным душком (а других на бывшей одной шестой части суши и не существует). Но... несмотря на то что пацаны буквально выпрыгивали из штанов, пытаясь проканать «за своих», большинство так и остались «простоватыми парнями откуда-то из Азии».

Мне в этом смысле повезло несколько больше. Причем именно повезло. Не скажу, что я как-то это просчитал или, допустим, спланировал. Нет, просто мне в какой-то момент надоело из всех сил тянуться за «большими дядями» и изображать из себя крутого лондонского тусовщика, и я плюнул и начал жить своей жизнью. Во-первых, я резко сократил походы по ресторанам и вечеринкам и снова стал готовить сам. Ну люблю я это дело, чего уж тут... И, во-вторых, купил себе яхту. Как позже выяснилось, я сделал все абсолютно правильно. Потому что настоящий джентльмен должен иметь какую-нибудь *причуду*. Нечто такое, что как бы выбивается из некоего усредненного образа настоящего джентльмена. Ну там дом с камином, скотч со льдом, вечер в клубе, скачки в Эскоте и т. д., что так старательно копировали наши пацаны. И именно причуду, а не там... вкладывать деньги в картины, породистых лошадей, футбольные клубы или старинные замки, чем некоторые пытались заниматься. И именно иметь, а не казаться. Если ты будешь просто *изображать* увлеченного чем-то эдаким, то тебя довольно быстро раскусят. Здесь лохов практически нет, а те, что есть, наперечет... И, раскусив, пренебрежительно скривят губы и окончательно занесут тебя в список эдакого разбогатевшего быдла. Причем уже навсегда... А вот если есть нечто, чему ты отдаешься всей душой, да еще и достиг в этом неких вершин мастерства, признаваемого за тобой крутыми профессионалами, – это меняет дело. Поэтому русский мультимиллионер, обладатель роскошных двухсотметровых апартаментов на Piccadilly со штатом прислуги, собственноручно готовящий себе на обед говяжьё отбивную с овощами на гриле, сразу стал им неподдельно интересен. И куда как более интересен, чем его соотечественники, толпами шляющиеся по полям пригородных гольф-клубов, проводящие вечера за бриджем и скупающих целые ложи на премьеры в «Covent Garden». И когда позже выяснилось, что это не эпатаж, а действительно настоящая, стопроцентная, классическая причуда, от которой этот русский и не собирается отказываться, я как-то незаметно для себя был признан за почти своего. Почти, потому что совсем за своего тут признаются лишь те, за кем стоят «старые деньги». А значит, никто из моего и еще пары последующих поколений на большее рассчитывать не может. Как мне объяснил как-то по пьяни Малкольм, тоже яхтсмен и миллиардер из Аделаиды, проклятые лаймы⁵ считают, что заложенным нами *родам* (буде они не только продолжатся, но и вообще случатся), надо будет лет сто регулярно стричь свои собственные газоны, прежде чем они соизволят хотя бы рассмотреть вопрос, считать или не считать вот этого конкретного потомка своим в их собственной тусе. Так что в ближайшие сто лет в *этой* тусе мы можем рассчитывать лишь на вторые роли. В лучшем случае на очень

⁵ Жаргонное морское прозвище англичан.

продвинутые вторые роли. Ну как у меня, который внезапно оказался едва ли не круче всей остальной толпы не только из России, но и со всего востока Европы. Но не более... Хотя мне это по большому счету было уже по барабану.

Что же касается недостатков, то больше всего меня напрягает английская манера подгрести под себя все, что им только представляется интересным. Вот так вот просто... Ты создаешь бизнес, выстраиваешь цепочку поставщиков и аутсорсеров или окучиваешь телку, но потом появляется англичанин, одаряет тебя белозубой улыбкой и ничтоже сумняшеся подгрести все под себя... то есть как минимум пытается. Мы же тоже ребята с зубками, знаете ли... И все не потому, что он такой уж крутой пацан или отмороженный подонок. Нет. Он просто считает себя, англосакса, наследника великой Британской империи, в которой никогда не заходило солнце, выше и круче всех на этой вшивой планетке. Мол, трепыхайтесь там, пока «большой дядя» не обратит на ваши дела свое милостивое внимание, а уж если обратил, то извини-подвинься. Это уже не *твои* дела, а дела «большого дяди». Так что всякое возмущение не только недопустимо, а просто глупо. Мол, ты же не возмущаешься тому, что солнце восходит на востоке, а заходит на западе. Так устроен мир. И здесь все то же самое – ну просто так устроен мир. Англосаксы – это высшая раса. А вам, уважаемый, к сожалению, не повезло родиться англосаксом, о чем мы искренне сожалеем, но ничего поделать с этим, увы, нельзя. Sorry...

И ведь что интересно, такое быкование у них повсеместное. Причем не только в бизнесе. Я знаю одну биксу из числа двинутых на идее осчастливливания человечества такими всеобъемлющими ценностями, как свобода и демократия, которая испытывает страшные душевные муки как раз вследствие того, что ей хотелось бы быть как все. Ну там простой полячкой, украинкой или тартарианкой (это она так татар называет) и мужественно, страдая и не сдаваясь, бороться за правое дело. Но, вот ведь незадача, ей не повезло родиться англичанкой, да еще и, представьте себе, такая засада, в Гринвиче, и именно принадлежность к этому совершенно точно высшему человеческому племени как раз и заставляла ее неподдельно страдать...

Спустя полчаса Светла удалилась в спальню чистить перышки и готовиться к сегодняшнему дню, а я решил немного дернуть Джека за штаны. А то что-то он слишком разошелся.

– Сколько ты вчера продул, Джек? – разливая остатки водки по рюмкам, невинно поинтересовался я.

Джек, все это время самодовольно поглядывавший на двери, за которыми скрылась Светла, тут же помрачнел и, сграбастав рюмку, опрокинул ее в себя.

– ... – пробормотал он, – эти хитрожопые греки раздели меня почти на восемьдесят тысяч фунтов, Фэдор. И это за один вечер.

– Сегодня вечером пойдешь отыгрываться? – спросил я.

Джек усмехнулся:

– Я не настолько наивен, Фэдор, чтобы надеяться выиграть у казино. Сегодня я просто попытаюсь ограничиться парой тысяч фунтов за вечер. Я вообще не играю, чтобы выиграть. Тот, кто играет, чтобы выиграть, – глупец... или мошенник. Я играю, чтобы... разозлиться. Когда я проигрываю слишком много, я начинаю лучше работать, чтобы вернуть потери. И возвращаю свое сторицей. А потом мне становится скучно, и я... снова отправляюсь поиграть.

Я удивленно качнул головой. Да уж, неисповедимы пути Господни... Для этих зажиревших европейцев даже деньги уже не стимул! Приходится вот так вот изворачиваться...

– О-о! – Рот Джека восторженно округлился.

Я оглянулся. Светла выпорхнула из дверей уже при полном параде. Что ж, она умела производить впечатление. Славянки вообще очень шикарны, возможно, сказывается смешение кровей и то, что мы своих самых красивых женщин пустили, так сказать, в оборот, а не сожгли как ведьм, как это сделали в просвещенной Европе, но в Светле было еще и личное обаяние. Она умела так подать себя, что казалась одновременно и строгой утонченной леди, и... абсолютно развратной шлюхой. Я на нее и запал когда-то как раз из-за этого... Светла

царственно проследовала через ют и, наклонившись ко мне, подставила щечку для поцелуя. Это означало, что она готова отправляться развлекаться.

– О-о, мисс Светла... вы неподражаемы.

Джек вскочил на ноги и также потянулся к щечке Светлы, дохнув ей в лицо водочным перегаром. Но эта стервочка и бровью не повела. Покосилась на меня и, не увидев в моих глазах неудовольствия, позволила поцеловать себя, незаметно попытавшись сунуть в руку Джеку визитку с координатами ее эскорт-агента. Я было напрягся, но затем решил – какого черта! Эта сучка, конечно, – высший сорт, но контракт со мной у нее истекает через четыре дня, а продолжать с ней отношения я в ближайшее время не планировал. К тому же я начал улавливать признаки того, что в эти оставшиеся четыре дня она явно собирается предпринять попытку стать моей если не женой (*такой* глупости от нее все-таки пока ожидать не приходилось), то хотя бы постоянной, то есть штатной, любовницей. Так что появление Джека и то, что Светла сделала на него стойку (ах, настоящий англичанин, высшее существо, хозяин мира!), пожалуй, можно было бы посчитать даже благом. Оценив ситуацию, я решил отойти в сторону и полюбоваться на вечный ритуал приглашения к осеменению в исполнении Светлы и Джека...

Четыре дня пролетели довольно быстро. Брачные танцы, которые Джек исполнял перед Светлой все эти дни, заметно прибавили мне сил и желания. И последние четыре ночи мы со Светлой, возвратившись на яхту еще до полуночи, тут же прыгали в койку, но засыпали только часов в пять утра. Недаром психологи утверждают, что в сексуальном отношении и мужчины и женщины – настоящие животные. И если на твою женщину претендует другой самец, ее привлекательность в твоих собственных глазах резко возрастает. К тому же все эти четыре дня моя «модель и актриса» была просто пайнкой...

Короче, через четыре дня они провожали меня в аэропорту Салоников, где меня ждали мои закончившие регламентные работы «крылышки», уже вдвоем. Джек прямо сиял, а вот в глазах Светлы мне, пожалуй, почудилась легкая грусть. Хотя, возможно, мне показалось.

Москва встретила меня дождем. Забрав со стоянки в Домодедове свой «Morgan» (мне за рулем хорошо думается, поэтому я редко напрягаю своего водителя), я неторопливо катил в сторону города, когда зазвонил мой мобильник. Бросив взгляд на экран, я усмехнулся. Значит, Шурику Легионеру уже доложили, что я прошел погранконтроль...

– Алло?

– Привет. Уже дома?

– Можно сказать и так, – лениво отозвался я. Европа меня всегда немного расслабляет.

– Есть инфа, – коротко сообщил Легионер. – Подкатишь?

– А оно надо? – все так же лениво буркнул я, хотя под ложечкой уже засосало.

Легионер числился в том кругу, к которому я принадлежал, кем-то вроде бюро Пинкертона. Этакой внешней службой безопасности. Нет, своя собственная у меня тоже была, но здесь, по эту сторону границы, я нынче старался быть осторожным и не особенно использовать криминальные методы ведения бизнеса. Тем более что существенная часть моего бизнеса находилась за пределами границ бывшей империи зла. Так что местные расклады мои ребята отслеживали постольку-поскольку, сосредотачиваясь на обеспечении безопасности за рубежами нашей бывшей большой родины. Там тоже были хваткие ребята, с которыми следовало держать ухо востро. А Легионер больше работал здесь. Хотя и там связи имел мощнейшие. Во многом именно поэтому мы с ним и сошлись. Хотя *там* я предпочитал обходиться собственными силами. Информация владеет миром, знаете ли... дашь кусочек лишней информации – и, глядь, твой бизнес уже и не твой. А сотрудничать *не давая* информации (причем даже если ты ее *заказываешь*), пока никто не научился. Так что чур меня...

Сам Легионер был выходцем из того, что называется секретными службами. Откуда конкретно он взялся – из КГБ, ГРУ или там сусловской конторы, я не уточнял. После развала начала девяностых он ушел, помотался по миру и даже умудрился отслужить во французском

Иностранном легионе, вследствие чего и обзавелся таким прозвищем. Но, получив вожделенное для многих французское гражданство, отчего-то не остался там, а вернулся. И создал крутейшую охранную фирму, которая имела доступ к такой информации, что любому было совершенно ясно: без тесных контактов со спецслужбами обойтись тут никак не могло. Единственное было непонятно, когда и чьим агентом являлся Легионер – ФСБ (или чего там) во Франции или французских спецслужб (а может, и еще кое-чего) у нас... Впрочем, для меня более важным было то, что Легионер приглашал меня заехать и ознакомиться с инфой. А это означало, что у меня назревают неприятности. Я вздохнул. Ну почему у нас всегда так? Наезды, бомбы, снайперы или, не дай бог, рейдеры. Впрочем, последних я боялся не особенно. Все фирмы, с помощью которых я делал деньги, были не только зарегистрированы в офшорах, но еще и заложены-перезаложены так, что *вроде бы* уже и не принадлежали мне, а никакой коммерческой или производственной собственности на территории страны у меня не было. Все, чем я пользовался – склады, терминалы, фуры, было взято в аренду и лизинг. Деньги делают деньги, и не хрен их овеществлять – таков мой принцип...

– Вот, ознакомься. – Легионер протянул мне распечатку.

Я быстро пробежал глазами несколько листов и поднял взгляд на Легионера.

– Ничего не понял... – признался я, – какое-то совпадение генных кодов... тело как антенна... сознание как поле... И ты из-за этой мути не дал мне спокойно добраться домой?

Легионер поморщился:

– Да, я показывал специалистам. Они также считают, что все это чушь. А тебе я дал это прочитать, потому что это распечатка беседы одного типа, приближенного к Хромому, с каким-то чудиком-ученым. А Хромой очень недоволен твоей последней сделкой с малайзийцами.

Я довольно усмехнулся. Да уж, Хромого я сделал на повороте как стоячего. Этот урод явно влетел миллионов на двадцать как минимум. А нечего лезть на поляну, на которой уже все давно поделено.

– Да имел я этого Хромого... – лениво отозвался я.

Легионер неодобрительно покачал головой. Он не любил грубостей. Ну да это его проблемы...

– И чего мне теперь ждать? Пули или бомбы?

– Пока не знаю, – пожал плечами Легионер, – работаем. В данный момент информации о том, что Хромой кого-то нанял, у меня нет. И даже попыток выходов на кого-то не засекли. Вот только с этим ученым ковыряются. Мы на всякий случай его пробили по полной, но никакой опасности не обнаружили. Типичный изобретатель вечного двигателя. Создал в своем воспаленном мозгу очередную гениальную теорию, в соответствии с которой пытается осчастливить весь мир. Совсем непонятно, чего это Хромой с ним возится... – Легионер вздохнул. – Ладно, будем работать. Но ты того, поберегись.

– Хорошо, – кивнул я и, минуту помедлив, набрал номер Константина, начальника моей собственной службы безопасности.

Я очень не люблю, когда вокруг меня толпится туча постороннего народу, поэтому даже дома стараюсь обойтись минимумом прислуги, но предупреждения Легионера были из области тех, которые не следовало игнорировать. В конце концов, у меня отлично обустроенная, полностью устраивающая меня жизнь, и нет никакого резона лишаться ее из-за глупой бравады или небольших бытовых неудобств. Поэтому, так и быть, потерплю рядом парочку накачанных рыл. В крайнем случае будет за кого спрятаться. Я даже не подозревал, что моя такая уютная, удобная и обустроенная жизнь на самом деле доживает последние минуты...

Часть первая

Задание – выжить!

1

Я лежал на кровати и пялился в потолок. В комнате было тихо. Ну почти... только шелестели по углам и под кроватью лапки многочисленных тараканов... Спать не хотелось. Совершенно. Я специально проспал весь день, чтобы никто не маячил перед глазами и не пытался меня расспрашивать. Потому что отвечать на вопросы я не мог. И, представьте себе, как бы по-идиотски это ни звучало, не столько даже потому, что сам не мог ничего понять и объяснить, а в первую очередь потому, что не знал... русского языка. Ну не анекдот ли? Так что сна у меня не было ни в одном глазу. А встать и заняться чем-то полезным у меня также не было никакой возможности. Потому что если бы я это сделал, то мамка, спящая на лавке в небольшом предбаннике с той стороны двери (хорошо еще, что там, потому что первые два дня они вообще постоянно торчали тут, в моей спальне), тут же кинулась бы за иноземным дохтуром, немчином Клаусом Миттельнихом. А сей дохтур мгновенно влил бы в меня успокаивающую настойку, от которой сознание сразу же становилось мутным, тянуло спать, а потом жутко мучила изжога. У них тут что, медицинские препараты специально делаются такими, чтобы принимать их хотелось как можно меньше? Впрочем, я вообще не знаю медицинских препаратов, даже приятных на вкус, которые нормальному человеку в здравом уме и твердой памяти хотелось бы принимать...

Сюда, в это тело, тело сопливого десятилетнего мальчишки, я попал четыре дня назад... Сначала я воспринял все происходящее как бред. Не, ну славно, вот только что нормально ехал к себе домой, а потом очухиваюсь неизвестно где, без трусов (их здесь не носят, прикиньте?!), лежащим на какой-то огромной и страшно неудобной кровати. А надо мной склоняются какие-то бородатые рожи в высоких шапках. Ну естественно, я заорал! А вы что, не заорали бы, если бы вам приснился такой кошмар? Сильно сомневаюсь. И все эти бородатые рожи внезапно загомонили, заголосили, причем как-то совершенно по-чуждому. Причем на совершенно незнакомом мне языке. То есть нечто знакомое как-то... угадывалось, что ли, но было при этом неким образом вывернуто и почти совсем утонуло во всяких там «аз», «еси», «реку», «сиречь» и туевой хуче остального непонятного. Я немного полежал в полной прострации, пялясь на все, что творилось вокруг меня, а затем, слегка очухавшись, попытался собрать мысли в кучку и спустя некоторое время пришел к выводу, что, несмотря на то что не помню, где я, когда и как сюда попал, скорее всего, я где-то за границей. Ну разве может подобный цирк твориться дома? А вот где-то далеко за рубежами... ну ведь разные же места есть. Это только из какой-нибудь Верхней Салды волшебная «заграница» вся скопом кажется землей обетованной, а посмотрели бы салдинцы на какую-нибудь Сомали или Бангладеш... На нашем шарике есть такие места, что тридцать раз перекрестишься, что живешь в каком-нибудь благословенном Урюпинске, а не там. Уж я-то знаю, бывал... как турист, естественно, и в сопровождении пикапа с охраной. Поскольку унылая европейская ухоженность человеку, прошедшему через самую гущу лихих бандитских девяностых, довольно быстро наскучивает, и начинает хотеться чего-нибудь эталого, щекочущего нервы и вбрасывающего в кровь адреналин. Так что у меня и мысли не возникло, что я где-то в России. Поэтому я и заговорил по-английски:

– Excuse me, could you help me to get in touch with the nearest consulate of the Russian Fe...⁶

⁶ Извините, вы не могли бы помочь мне связаться с ближайшим консульством Российской Фе...

Причем начал я довольно бойко, но, едва произнеся эту фразу, тут же заткнулся. Потому что голос был не мой. Ну совсем не мой. Какой-то странный, писклявый, совсем детский. Но на окружающих это мое заявление отчего-то оказало совершенно другое воздействие. Гомон стал более громким и, я бы даже сказал, радостным, что ли. Хотя отметил я это как-то мельком, поскольку меня сейчас занимало другое. Я выпростал руки из-под одеяла, которым был укрыт, и округлившимися от удивления глазами уставился на них. Это были не мои руки! Это были руки ребенка! Такие пухлые детские ладошки, эти его мать... А когда в горницу ворвался еще один бородатый мужик, правда, в немного другой шапке, красивой такой, расшитой, с меховой опушкой, с крестиком на макушке, и, наклонившись надо мной, заботливо спросил что-то вроде: «Уз есмь здоровше же ныне санок?» – я не выдержал и заорал во второй раз. А затем потерял сознание.

Следующий раз я очнулся ночью. Еще не открыв глаза, я понял, что лежу все на той же жутко неудобной кровати, представлявшей собой примитивную деревянную раму, на которую было навалено несколько, чуть ли не семь штук (хотя точную цифру я установил много позже), пуховых перин. Так что у меня от совершенно идиотского положения тела жутко затекли руки и ноги, а также разболелась поясница. Рядом с кроватью на чем-то вроде табурета сидела и дремала какая-то бабка, одетая в глухое длинное платье и закутанная до бровей в платок, смутно напоминающий хиджаб. В комнате было сумрачно, но полностью захватить власть темнота не могла, поскольку в углу, под потолком, тускло горел примитивный масляный светильник.

Я осторожно огляделся. С прошлого пробуждения ничего не изменилось. Я задумался. Итак, вариант один – я брежу. Накурился травки, и все, что вокруг меня, это качественный и глубокий наркотический бред. Иного объяснения всему происходящему нет и быть не может. Все! Точка! Правда, я совсем не помнил, когда и с кем решил покурить травки. Последний раз я это делал в прошлом году в Копенгагене, в Христиании, куда я по приколу забурился аж на целую неделю. Классная неделя была, между прочим, но на большее меня не хватило. Совершенно травяное существование там. Не по мне... Да и трава эта тоже поднадоела. От нее после всего так во рту горчит и сушит... и никуда не хочется... Нет, я не исключал, что еще раз, как-нибудь, в будущем, мне опять ненадолго захочется чего-нибудь эдакого, полной расслабухи, причудливых глюков и всего такого прочего, и я опять уеду в Копенгаген или в Амстердам покурить травки. О более тяжелых наркотиках и речи не шло. Я имею против них стойкое предубеждение. Но пока такого желания как-то не возникало. Так с чего бы это я? Непонятно... Но по большому счету это неважно. Потом вспомню. Когда выйду из глюка. А пока надо всего лишь немного подождать. Успокоенный этими мыслями, я повернулся на бок и уснул...

Пробуждение было гнусным. Несмотря на то что в комнате было светло – глюк никуда не исчез. Около кровати по-прежнему сидела какая-то старуха, одетая почти так же, как и та, что ночью, и вязала на спицах. То есть это я думаю, что она вязала, поскольку как на самом деле выглядит это занятие, я как-то не удосужился узнать. Не было ни случая, ни интереса. Я некоторое время лежал, разглядывая ее из-под полуопущенных век, а затем не выдержал и зевнул во весь рот. Старуха вздрогнула и, оторвавшись от вязания, уставилась на меня. Ну а я соответственно на нее.

– Поздорову ли, сарвич? – проскрипела она.

Или нечто очень похожее. Во всяком случае, я понял эту фразу как то, что она интересуется здоровьем, причем моим... Тут до меня дошло, что я понемногу начинаю врубаться в то, что говорят. И это снова крепко меня испугало. Я лихорадочно огляделся. Нет, это бред и только бред... А может, меня украли и сейчас держат под наркотиками? Недаром Шурик Легионер предупреждал меня, что моя последняя сделка с малайзийцами очень не понравилась Хромому. Как, несомненно, и моя реакция на это предупреждение... Вот, точно! Так и есть! Поэтому глюк и тянется так долго. Мне просто не дают возможности из него выйти... В любом

другом случае эта информация меня вряд ли обрадовала бы, но сейчас я почувствовал себя явно лучше. Потому что любые разборки с Хромым все одно были лучше, чем воплощение в реальности того, что я наблюдал вокруг себя. Нет, никаких ужасов, монстров или прочей мути, совершенно точно показывающей, что я в бреду или в глюке, вокруг не наблюдалось, но признать, что я – это я, причем этот я, который здесь, находится в теле сопливого пацана, было для меня невыносимо. Поскольку это пахло религиозными бреднями и переселением душ. А я человек жестко конкретный и верю только в то, что можно потрогать руками.

Между тем старуха, безуспешно пытающаяся что-то у меня вызнать, вскочила на ноги и быстро куда-то умелась, хоть ненадолго перестав капать мне на мозги. И я решил воспользоваться моментом и оглядеться. Несмотря на то что все виденные мною в этом глюке мужчины были сплошь бородаты, а женщины одеты в плотные одежды и укутаны в платки, что явно наталкивало на мысль об ортодоксальном исламе, в углу комнаты обнаружили иконы. Вроде бы... Я в этом не большой специалист и иконы видел издавна, в церкви, а дома у меня их как-то не было, но, во всяком случае, то, что там висело, больше всего было похоже именно на них. К тому же тот самый масляный светильник, обнаруженный мною во время прошлого ночного пробуждения, оказался лампадкой. Стены моей спальни были бревенчатыми, причем на них явно пошел настоящий дуб, а не обычная сосна. В углу комнаты, за спинкой кровати, располагалось окно. О нем я не мог сказать ничего конкретного, кроме того, что оно было довольно небольшим, витражным и пропускало свет не слишком хорошо. Само окно с той точки, в которой я находился, было не видно, но на полу виднелся вытянутый прямоугольник, перечеркнутый темными полосами геометрического витража. Я еще раз выпростал руки из-под одеяла и внимательно осмотрел их. Ладони были небольшие, но с какими-то уплотнениями на подушечках, какие у меня образуются, когда мой тренер назначает мне курс работы с утяжелениями. Не мозоли, нет, просто уплотненная кожа. Хм, с какими это утяжелениями в этом глюке работают десятилетние пацаны?.. На среднем пальце левой руки имелся небольшой шрамик, как от пореза, а подушечка указательного пальца правой носила уже едва заметные следы чернил. И все это меня очень беспокоило. Какой-то очень подробный и, как бы это выразиться, бытовой глюк получается. Я покачал головой.

В этот момент за дверью послышались голоса, шум шагов, и спустя мгновение в мою спальню ввалились несколько человек, на которых я отреагировал. Нет, я не заорал, и у меня в голове не возникло никакого нового и до сих пор недоступного мне языка, на котором я вдруг начал изъясняться, как будто я его знаю. В этом смысле все было отнюдь не как в глюке. Но вот на людей, вошедших в мою комнату, мое тело явно отреагировало. Шедший первым мужчина с бородой заставил меня так облегченно расслабиться, как будто теперь, в его присутствии, все стоящие передо мной проблемы непременно будут решены. Второй, одетый несколько опереточно и с выбритым подбородком, наоборот, заставил настороженно напрячься, а вот третьей, невысокой и сухоощавой женщине со смуглым лицом и слегка, совсем чуть-чуть, раскосыми глазами я откровенно обрадовался. То есть не я, конечно, а мое тело. И именно эта реакция внезапно окончательно убедила меня, что все, что происходит со мной, это никакой не глюк, а самая настоящая реальность. Поэтому я несколько мгновений пялился на вошедших совершенно круглыми от ужаса глазами, а затем снова заорал и в очередной раз потерял сознание. Впрочем, как выяснилось дальше, это было в последний раз...

В себя я пришел довольно скоро. Наверное, через минуту-другую. Все, кто ввалился в мою спальню, еще были здесь. Мужик с гладко выбритым подбородком сидел на моей кровати и держал меня одной рукой за запястье. Вторая же рука была как-то странно согнута, так что он касался кончиками пальцев своей шеи. Несколько мгновений я недоуменно взирал на это действие, а потом до меня дошло, что этот дядя, похоже, доктор и сейчас он щупает мой пульс. Вот только что там у него со второй рукой, мне было непонятно. Но непонятного тут вообще было выше крыши. Я решил пока не демонстрировать того, что очухался, а полежать некоторое

время с почти закрытыми глазами, изучая обстановку и прислушиваясь. Уж если это не глюк, стоит разобраться, куда это я действительно попал и кем я тут числюсь...

– Угу-м, – глубокомысленно заявил дядя и одновременно изменил положение обеих рук, опустив левую, а правую положив мне на лоб.

После чего он раскрыл мне рот, зачем-то внимательно осмотрел зубы и нёбо, почему-то не обратив никакого внимания на язык, а потом... засунул свой палец мне в нос и очень внимательно уставился на извлеченную оттуда... ну не соплю, конечно, но что-то вроде... Короче, мужик жог!

Рассмотрев все извлеченное из моего носа, доктор ничтоже сумняшеся вытер руки о простыню, на которой я лежал (вот урод!), и, повернувшись к бородатому, заявил:

– Состояние носовой слизи вполне удовлетворительное, вследствие чего я могу сделать вывод, что и головная железа функционирует нормально⁷. Пульсация тела также в пределах нормы. Нёбо и десны – здорового цвета. Так что, херр Тшемоданов, я не диагностирую признаков отравления.

Бородатый озадаченно покачал головой.

– Вишь, оно как... – протянул он.

А до меня дошло, что врач-то, оказывается, говорил по-немецки. Я знаю немецкий не так хорошо, как английский, но гораздо лучше, чем польский и китайский. Тысячи три слов. Вполне достаточно для нормального бытового общения. А для уточнения нюансов всегда можно перейти на английский, им я занимался уже серьезно. А куда деваться? Деловые люди всего мира общаются исключительно на английском...

Так вот, немецкий я знаю. Но этот доктор говорил на другом немецком. Он отличался от того, который я знал, приблизительно так же, как тот язык, на котором говорили те, кого я тут успел услышать, отличался от русского. То есть нечто знакомое слышится, смысл понять можно, но существенная часть слов будто нарочито искажена или подменена другими, похожими лишь отдаленно и скорее смыслово, а не по звучанию. Ну как в украинском железная дорога называется «зелязницей», а в белорусском «чугункой». Во фразе, в контексте – поймешь, а отдельным словом – хрена. Впрочем, и с контекстом тоже иногда были напряги. Хотя это вполне объяснимо. Ну из какого контекста можно понять, что польское слово «урода» означает «красавица»? Максимум что решишь – стебаются...

– А можа, порчу навели? – задумчиво проронил мужик.

– С сим уже не ко мне, – сухо отозвался немец и, соизволив наконец оторвать задницу от моей кровати, поднялся на ноги и расправил торчащие из рукавов манжеты рубашки. – Я приготовлю питье, которое позволит саревииш менее остро реагировать на окружающее, – заявил он, направляясь к двери.

Бородатый проводил его взглядом, а затем повернулся к женщине.

– Ты, знамо, вот что, Суюмбике, – гулко начал он, – тута сидай. Мало оно что... А я-ста пойду... Эх ты! – обрадованно рывкнул он. – Царевич! Оклемався небось?

Я открыл глаза. Раз уж мужик обнаружил, что я очнулся, смысла щуриться больше не было. Мужик расплылся в участливой улыбке, причем она явно была искренней.

– И поздоровша ли? – взволнованно спросил он.

Я робко улыбнулся в ответ и промолчал. А что было ответить. В отличие от попавших в чужие тела героев фантастических романов, читанных мною очень давно, в детстве и самом раннем юношестве, в голове у меня было пусто. То есть не совсем, конечно, все мое было со мной, но никаких чужих воспоминаний, навыков и знаний, ну там языка, умения фехтовать или держаться в седле, не наблюдалось. Хотя проверить последнее пока случая не было. Впро-

⁷ Долгое время медики считали, что мозг – это железа, функцией которой является вырабатывание слизи, «исходящей из тела через ноздри».

чем, держаться в седле я умел... немного. Ну, скажем, мог, не отбив себе зад, выдержать часовую конную прогулку. Своей лошади у меня не было, но в Малаге, где у меня был дом, я прошел любительский курс обучения верховой езде и частенько арендовал андалузца, на котором катался по окрестностям. Андалузцы мне очень нравились. Конечно, не арабы и англичане, но зато стоят вполне приемлемо, и вообще очень популярная любительская порода, так что я даже рассматривал вопрос купить себе такого и отвезти в Москву, но пока еще не сподобился. Пока еще, ну да... Так вот, никаких таких знаний и умений у меня в голове и остальных частях тела не оказалось, и я счел за лучшее промолчать, чтобы по незнанию не ляпнуть чего-то, что может быть расценено как совсем уж непотребное.

Мужик, глядя на мою улыбающуюся физиономию, задал еще пару вопросов, и с каждым последующим в его голосе звучало все больше и больше беспокойства, а затем обжег взглядом женщину, рывкнул ей:

– Сидай тут! – и вылетел из спальни.

Та послушно шмыгнула на табурет и замерла, уставившись на меня встревоженным взглядом. Я слегка перевел дух. Итак, подведем первые итоги. Я... где? Вариантов было несколько. Например, в программе «Розыгрыш». У них довольно нехилый бюджет и все возможности для найма актеров. К тому же у меня есть масса друзей-приятелей, которым финансы позволяют нанять всю группу (или труппу) программы для устройства мне такового в индивидуальном порядке. Причем не заморачиваясь съемками. Только лишь для получения удовольствия. Но как им в таком случае удалось добиться того, что мне кажется, будто я в теле ребенка? Или не кажется, а так оно и есть? Я покосился на сидевшую у кровати женщину и, решительным жестом откинув одеяло, уставился на свое тело. Нет, все верно – пацан, лет десять, а то и меньше, слава богу, не обрезанный, коленка слегка поцарапанная... Женщина испуганно вскрикнула и заговорила на каком-то языке, в котором вроде как проскальзывали знакомые слова, но от русского он был еще дальше, чем тот, на котором изъяснялось большинство тех, кого мне здесь довелось слышать. Осознав, что я не реагирую, она поднялась и накинула на меня одеяло, чему я не стал препятствовать. Все, что мне нужно, я уже посмотрел.

Ладно, второй вариант, который стоит принять за рабочий, – мое сознание каким-то странным образом удалось переселить в чужое тело. Как? А хрен его знает. Черт! Я же читал нечто подобное в тех материалах, что дал мне Легионер... Тогда мне все это показалось полной мурой, но... отсюда, *из этого тела*, оно уже таковым не смотрится. Значит, во всем виноват Хромой... Ну сука! Попадешься ты мне... Я разжал непроизвольно стиснутые зубы и тихонько выдохнул. Ладно, Хромой, похоже, тоже попал. Кого бы и как он там ни собирался посадить в *мое* тело, тот мужик тоже оказался в крайне неприятной ситуации. Он же тоже ни хрена не знает. Ни паролей, ни кодов, ни номеров счетов... такие вещи я предпочитаю держать в голове. На память, слава богу, я никогда не жаловался. Так что единственное, что этот урод может сделать, – это вынести Хромому содержимое ящиков моего рабочего стола. А стоит ему только начать влезать в дела, как Костя его моментом раскусит. Были у нас с ним некие наработки, тайные жесты, знаки, долженствующие показать окружающим, что я нахожусь под контролем или, наоборот, все в порядке... Ничем эта операция Хромому не поможет. Ладно, оставим его в его юдоли. Мне бы сейчас со своими проблемами разобраться.

Итак, примем как факт, что я в теле десятилетнего пацана, и идем далее. Где находится это тело? Хм... если бы не оно, то программа «Розыгрыш» подходила идеально. Декорации, актеры, язык... но если план Хромого удался, ничего такого он оплачивать бы не стал. Скорее он закатал бы меня в бочку и сбросил с вертолета где-нибудь в море Лаптевых, чтоб помучился... а самое верное – просто и банально пришел бы. Ну или посадил бы на цепь в подвале собственного дома и время от времени спускался полюбоваться, в какое положение загнал борзоту, посмевающую открыть на него пасть. Впрочем, последнее вряд ли. Времена нынче не

те. Опасно. Чичу вон аж в Лондоне достали. А что человек сделал-то? Просто проучил урода, залезшего в его карман.

Значит, примем как данность, что все, что меня окружает, – это обычный быт тела, в котором я оказался. Я еще раз огляделся. Бревенчатые стены, иконы, лампада, какой-то странный язык, одежда, очень напоминающая старинную... Таежный тупик? Была во времена моей юности в «Комсомолке» серия репортажей про семью староверов, бежавшую глубоко в тайгу и обустроившуюся там. Но каким боком тут доктор-немец? Тоже старовер? За-абавно... И тут я припомнил, как меня назвал тот мужик, и едва снова не заорал. Потому что это уже не лезло ни в какие ворота! *Царевич?!!*

В этот момент мне пришлось отвлечься, потому что за дверью снова послышались голоса, топот, и в мою спальню ввалились еще несколько человек, возглавляемых тем самым бородастым мужиком и немцем-доктором. Сзади них мельтешили еще три толстых бородача, отчего-то одетых в огромные, делавшие их фигуры просто необъятными, шубы, и с высокими посохами в руках. Доктор подошел к кровати, уселся на прежнее место и снова ухватил меня за руку, как и прежде расположив свою вторую руку у себя на шее. Я слегка отодвинулся. Если он снова полезет своими пальцами мне в нос – я его двину. Но, слава богу, на этот раз доктор никуда не полез. Только ощупал мне всю башку и живот. Мужик с бородой взволнованно замер рядом.

– Ви есть как шустровать себя, саревиш? – на сильно ломаном русском спросил у меня немец.

Я снова молча улыбнулся. А что еще, спрашивается, я мог сделать? Заговорить на том русском, к которому я привык? Хрена с два! Судя по одежде, архитектуре (я пока что видел ее лишь изнутри, да еще в одном-единственном помещении), предметам быта, а также тому, что меня именovali царевичем, я, похоже, угодил куда-то в далекое прошлое. Причем в допетровские времена. А тогда, насколько я помню школьный курс, исторические романы и фильмы (не слишком достоверные и точные источники, конечно, но уж что есть...), в ходу были жуть какие суеверия. Еще решат, что в царевича, то есть в меня, бес вселился – и все, кранты. Так что я лучше пока помолчу. Попробую поиграть в потерю памяти. Тоже в принципе рискованное занятие. Ну кому нужны убогие в царевичах? Но тут уж как повезет. Понадеемся на родительскую любовь и большие финансовые и властные возможности папика. Авось вытянет...

Немец нахмурился и неожиданно повторил вопрос по-немецки. Опаньки! Значит, пацан, в теле которого я оказался, учил немецкий. Так-так... уже лучше. Значит, меня тут чему-то основательно и планомерно учат. Следовательно, есть возможность довольно быстро собрать необходимую мне информацию. Конечно, лучшим способом собрать информацию является метод «погружения в среду», что мне здесь вполне обеспечено, но наличие поблизости учителей, то есть людей, в чьих функциональных обязанностях закреплено выслушивать мои вопросы и давать на них ответы, совершенно точно изрядно облегчит мне вживание в местные реалии. Между тем немец, все так же хмурясь, повернулся к бородатому мужику и произнес по-немецки нечто вроде:

– Я констатирую, херр Тшемоданов, что саревиш пришел в себя и находится в удовлетворительном состоянии. Но также я диагностирую, что приступ беспамятства еще окончательно не прошел. И саревиш пока не демонстрирует адекватные реакции. Так что я прописываю ему покой. И вот еще... – Немец наклонился и, покопавшись в своем кошеле, выудил оттуда некую бутылку емкостью где-то в районе литра, изготовленную из мутноватого коричневого стекла.

Я хмыкнул про себя. Да, дядя, пожалуй, жажнуть сто грамм – это как раз самое то, что мне сейчас очень не помешает.

– Я сделал настойку, кою саревиш надобно употреблять. Это поможет ему сохранять внутреннее спокойствие и содержать все телесные органы и железы в надлежащем для выздоровления состоянии.

Э, э!.. Я эту дрянь пить не собираюсь! Кто его знает, что этот докторишка туда намешал? А ну как ослиную мочу или дерьмо летучих мышей. С этих средневековых дикарей станется...

Бородач вздохнул и, ухватив бутылку, сунул ее женщине.

– Скорми, – буркнул он и повернулся к доктору. – Благодарствую, херр Миттельних. Значит, царевич болезный еще?

Немец молча кивнул.

– Ох, горюшко-то царю-батюшке Борису свет Федоровичу... – как-то слащаво-злорадно отозвался один из трех мужиков с посохами. – Ох, беда... А сколь сие длиться будет?

– Сие мне не есть ведомо, – по-русски ответил доктор, причем его тон явно изменился в худшую сторону. Он поднялся, коротко поклонился, затем гордо и даже слегка вызывающе выпрямил спину и, громко стуча каблуками, вышел из спальни.

Хм... а похоже, с теми тремя бородачами в нелепых шубах он на ножах. Ну или как минимум они друг друга сильно недолюбливают. Я пока не знал, как мне это пригодится, но в том, что непременно пригодится, был уверен...

Едва доктор вышел, как вышеупомянутые бородачи тут же прянули вперед и, бесцеремонно оттерев мужика, которого немец называл «херр Тшемоданов», склонились надо мной. Ну и рожи, я вам скажу. Жирные, с почти намертво впечатавшимся таким нагловато-брезгливо-спесивым выражением, с каким-то злорадным огоньком в глазах, они мне сразу не понравились. Да и тело пацана также отреагировало на них очень отрицательно. Таким испугом, но смешанным со злостью. Да... похоже, не всё мы знаем про человеческую психику, далеко не всё, не только с сознанием и подсознанием она связана... или подсознание сильнее скреплено отнюдь не с сознанием, а именно с телом, с клетками мозга или там с гипофизом, поджелудочной железой и всякой остальной требухой. Иначе откуда такая реакция-то на совершенно незнакомых мне людей? Да на того же «херр Тшемоданов», кстати. Явно же это кто-то очень для пацана близкий...

– Блазно ли видится, царевич? – очень поганенько проскрипел стоявший впереди тип с козлиной бородкой.

Я нахмурился.

В глазах типа тут же зажегся злобный огонек. Он почесал бородку, а затем шумно вздохнул:

– Онемел, царевич... ох, горюшко-то.

– И ишшо падучая, – тут же отозвался другой, палившийся на меня из-за правого плеча первого.

Двое остальных согласно закивали.

– Кхым, – грозно прочистил горло «херр Тшемоданов». – А ну-тко, бояре, идите, идите. Дохтур ныне чего велел? Покой царевичу надобен... Суюмбике, ну-тко давай пои царевича, пои...

А я во все глаза пялился на этих троих. Бояре, значит... Интересненько. Это в какие же годы я попал? Может, спросить? Ага, как же, разбежался... молчать надо, в тряпочку. И, как в том анекдоте про летчика, учить матчасть, то есть в первую очередь язык... Хотя звучало это довольно уморительно. Учите русский язык, дядя, пригодится... а я на каком разговариваю?

Наконец «херр Тшемоданов» вытолкал взашей бояр и, стянув с головы шапку, утер лоб. А у меня перед носом в этот момент появилась деревянная ложка, наполненная некой пованивающей субстанцией. И, кстати, форма ее не слишком напоминала ту классическую форму расписных палехских ложек, к которой все привыкли. Интересно, а сколько еще из того, что мы вроде как знаем про нашу старину, окажется всего лишь развесистой клюквой?

– Испэй, царевич, – чуть смягчая согласные, произнесла женщина, – испэй. И усни.

Я посмотрел в глаза Суюмбике, взиравшей на меня с явной тревогой и заботой, прислушался к своему телу и послушно потянулся губами к ложке. Эта – не предаст...

2

С того момента как я очутился в этом мире, миновало уже шесть дней. За это время я сумел совершенно точно установить, что я нахожусь дома, в России, в стольном ее граде Москве, и являюсь царевичем Федором. Причем самая жуть была в том, что моего папашку, местного царя, звали Борис Федорович ГО-ДУ-НОВ! Па-ба-ба-бам! Фанфары, занавес!

Выяснилось это сегодня утром. Когда папашка со свитой, в которой я углядел и тех троих бояр, что приперлись полюбоваться на «онемевшего царевича», пришел проводить болезного сына. Кажется, папик направился в мою спальню сразу после какого-то важного заседания, поскольку вся толпа была при полном параде, в шубах и высоченных шапках, а у папика, одетого в густо расшитые жемчугом и драгоценными камнями одежды, на голове наличествовал убор, который, как я подозревал, именовался шапкой Мономаха. Припоминалось мне, что видел я нечто похожее, когда таскал в Оружейную палату партнеров-голландцев. Директор сего учреждения самолично провел для нас экскурсию, с представлением самых важных и знаменитых экспонатов. Правда, я смотрел не очень, поскольку под охи и вздохи иноземных гостей активно окучивал ван Страатена насчет планируемого контракта. Ну некогда мне было особенно пялиться по сторонам. Бизнес делал... Но вот шапку Мономаха увидел. И кое-что про нее в памяти отложилось. И как бы высоко я себя, любимого, ни ценил, не думаю, что сей предмет, являвшийся по своим функциям полным аналогом королевской короны, папашка соизволил бы надеть именно для посещения любимого сына.

Впрочем, возможно, он уже приходил и раньше. Просто последние несколько дней меня усиленно поили той немецкой отравой, от которой все время тянуло в сон. Так что бодрствовал я чаще всего по ночам, когда добровольные помощники лекаря во главе с мамкой по имени Суюмбике предавались спокойному сну. Я же в это время пытался делать хоть что-то, что оказалось бы полезным для моей успешной легализации в этом мире... О как заговорил! Ну чистый шпиён, мать его за ногу... Ну да идем дальше. А то самое единственное, что оказалось мне доступно о ночную пору, это совершенствоваться в языке. И, как бы мое следующее утверждение ни звучало нелепо, продвинулся я в этом направлении довольно далеко. Особенно когда слегка привык к местным реалиям и потому почти перестал отвлекаться на толпы носящихся по полу тараканов...

В принципе я уже на второй день заметил, что как-то неожиданно быстро продвигаюсь в освоении местного варианта русского языка, который вроде как совершенно не знаю. Нет, кое-что похожее было, но похоже это было в равной мере как на современный мне русский, так и, скажем, на украинский. А также на белорусский, чешский, польский и, вероятно, еще на какие-нибудь языки. Ну и на старо— или, вернее, церковнославянский тоже. А его я хоть и знал ничуть не лучше, скажем, чешского, но на слух вполне отличал. А куда деваться? В церковь ходим. И на Рождество и Пасху со свечками и постной рожей перед аналоем стоим. Рядышком с нужными людьми. Они, впрочем, тоже верующие те еще, тоже стоят не потому, что душа велит или к Богу тянутся, а потому, что так положено. Раз *сам* в церкви, то и *самики* там же стоять должны... Кое-какие обрывки я начал понимать почти сразу, а буквально через несколько часов уже врубался почти во все. Почему так произошло? А бог его знает. Я вот где-то читал, что когда какие-то чудики проводили опыты с головным мозгом, раздражая его кору слабыми разрядами электрического тока, то одна из подопытных теток внезапно начала наизусть читать стихи на древнегреческом. Притом что сама никогда в жизни ни одного древнегреческого текста не то что не читала, а даже в глаза не видела. Во прикол-то... А потом выяснилось, что у нее был старший брат, он учился в гимназии, в каковой знание греческого и латинского являлось обязательным по программе, и оттого эти самые тексты вынужден был читать. И делал он это вслух. А она, тогда еще соплячка, просто играла рядом. Так что есть

предположение, что кроме той самой оперативной памяти, которой мы вполне свободно оперируем, обращаясь к ней, когда нам надо, и извлекая из нее те сведения, что доставили себе труд заучить и запомнить, существует другая, глубинная, и в ней остается все, что наши органы чувств зафиксировали хотя бы мельком. Походя. Вот только что-либо извлечь оттуда по своему желанию мы практически не в состоянии. Оно выходит или при помощи таких вот учебных, действующих методом «научного тыка», или еще при каких-нибудь экстраординарных воздействиях. Ну типа того, что случилось со мной. Мне еще повезло, что пацанчика звали так же, как и меня, Федором, а то точно бы моментально спалился... Понимать все, что мне говорили, я начал довольно быстро, а вот говорить... С этим была проблема. Меня все время тянуло говорить так, как я привык. Поэтому долгими бессонными ночами я лежал и старательно составлял и проговаривал шепотом фразы, привыкая к ним и добываясь того, чтобы они стали для меня привычными. А утром, выхлебав очередную порцию немчинова зелья, проваливался в глубокий сон.

Однако в то утро мне зелья не дали. И вообще, похоже, в Кремле намечался какой-то праздник, поскольку еще с вечера из-за двери приглушенно доносились суетливый шум, обычно сопровождающий подготовку к чему-то этакому, и слегка тянуло разными вкусными запахами. Да и Суюмбике, которая, видимо, являлась моей старшей мамкой, также была слегка возбуждена и пребывала в предвкушении. А с утра ударили колокола. Да столько, да так величественно... Я проснулся и лежал, слушая и понимая, откуда пошло выражение «малиновый звон». А как его иначе назвать-то? Не-эт, мы там, в будущем, снобы, думаем, что ухватили себе все самое вкусное и полезное, чего наши дикие и дремучие предки были напрочь лишены. Ну кроме экологии... Но *такого* у нас нет и быть не может. Этот звон совершенно точно что-то со мной делал – лечил, освещал, поднимал, избавлял от суетного и сиюминутного. Я лежал и просто глупо улыбался... А потом запел хор. Мужской. Многоголосие доносилось из окна глухо и довольно слабо напоминало те церковные хоры, которые я слышал в свое время. С точки зрения музыкального звучания оно было куда как беднее, но... И вот из-за этого «но» я выбрался из постели, подошел к окну и выглянул наружу. А потом вдруг моя рука сама собой сложилась в непривычное мне двуперстие и осенила меня крестным знамением. А на глаза сами собой навернулись слезы. И я внезапно понял, что же сегодня за праздник. Пасха!..

Когда в спальню, чуть пригнувшись, вошел отец, я тут же сел на кровати. Вернее не я, а мое тело. Оно само отреагировало таким образом, оставив мне лишь ошеломленно пялиться на высокого статного мужчину с гордым и властным выражением лица. Но едва он шагнул ко мне, как это выражение тут же сползло с лица, уступив место искренней тревоге. Он сделал пару торопливых шагов и склонился надо мной.

– Как ты, сынок?

Тут мое лицо, опять же само по себе, скривилось, и я уткнулся в широкую отцовскую грудь и облегченно заплакал... Черт, я действительно плакал. Не только мое тело, тело десятилетнего пацана, все железы внутренней секреции, гипофиз и эпифиз, а также вся остальная требуха которого работали так, как и положено в десять лет, и на психику которого за последнее время столько навалилось, но и я сам, крутой мачо, брутальный самец, жесткий бизнесмен, прошедший в своей жизни все – и бандитские стрелки, и накатывающие конкурентов, и наезды чиновников... Может быть, еще и потому, что у меня самого отца не было. Не знаю уж, как оно так повернулось, мать мне рассказывала, что батя был офицер и погиб где-то там, в далеких странах, в тех никем не объявленных и неизвестных большинству людей в мире войнах. Но когда я, став взрослее и заимев связи и возможности, попытался отыскать его следы, мне это так и не удалось. Ну не проходил по учетам Министерства обороны СССР офицер с такими именем и фамилией. Так что, может быть, мама мне просто лгала, чтобы не травмировать душу ребенка своими ошибками молодости либо не желая возводить для ребенка в идеал какого-

нибудь обманувшего ее подонка. И вот сейчас я впервые в своей жизни уткнулся в широкую грудь отца...

– Ну будет, будет. – Тяжелая отцовская ладонь, будто шлем, почти полностью накрыла мою голову и ласково потрепала волосы. – Вижу, дело идет на поправку. Дохтур Миттельних говорил, что велел перестать давать тебе настойку... ну будет, сынок. Перестань. Негоже царевичу слезы лить при людях.

Я послушно шмыгнул носом, беря тело под свой контроль, отчего поток слез сначала заметно уменьшился, а потом и вовсе пересох. Отец удовлетворенно кивнул и, бросив взгляд через плечо на небольшую толпу бояр, заполнившую половину отнюдь не маленькой, метров тридцать, комнаты, спросил, чуть возвысив голос:

– А верно ли мне боярин князь Шуйский докладывал, что ты, сынок, совсем онемел?

Я покосился на бояр, среди которых в первом ряду маячила физиономия козлобородого, и, мысленно злорадно усмехнувшись, ответил:

– Нет, батюшка. Неверно.

Отец довольно ухмыльнулся, а потом повелительно махнул посохом, который держал в другой руке: мол, пошли вон, холопы царские! Бояре тут же суетливо задвигались, затолкались и начали просачиваться через дверь обратно в коридор, что с учетом их непомерных шуб было не очень простой задачей. Отец дождался, пока все выйдут, и снова спросил:

– Ну как ты, сынок?

И я решил рискнуть. В конце концов, от кого еще здесь ждать помощи, как не от собственного отца?

– Плохо, батюшка, – глухо отозвался я, отчего лицо царя сразу же стало испуганным. А я продолжил: – С памятью у меня плохо. Будто отшибло. На людей смотрю и понимаю, что знаемы они мне, а кто и как зовут – не помню. Одежка как прозывается – не помню. Дохтур на языке немецком заговорил – знаю, что ведаю его, даже понимаю чутка, а – не помню.

Отец замер. Некоторое время мы сидели молча, не двигаясь. Я гадал, не испортил ли все этим признанием и не грозит ли мне сейчас быть немедленно упрятанным в какой-нибудь каземат, наподобие пресловутой Железной Маски. Ну кому нужен убогий наследник? Батя же сосредоточенно размышлял. А затем он снова вперил в меня обеспокоенный взгляд и осторожно, с явственно чувствуемым напряжением в голосе спросил:

– И что, ничего вспомнить не получается?

– Да нет, батюшка, – тут же отозвался я, – вспоминается. Но медленно, не сразу. Иногда уж спросить тянет, а я опасаюсь. А ну как посмеются или совсем за убогого примут? Я же никому о сем не говорил. Даже дохтуру. А то опять горькой водой поить начнет, а от нее никакого толку. Только все время спать хочется.

Лицо отца заметно посветлело.

– Вот и ладно, если вспоминается, сынок. Инда ничего, потихоньку все и вспомнишь. А что дохтуру не сказал, тоже ладно. Незачем ему все это знать. А я твоему дядьке Федору обо всем обскажу. Пусть все время рядом будет и тебе потихоньку подсказывает. Пока обратно все не вспомнишь. Окольный Федор человек верный, зря языком трепать не будет, так что и слухов непотребных о тебе по Москве наново гулять не станет. А то и так уже много чего подлого бают... – Тут батя спохватился и оборвал себя. А затем снова погладил меня по голове, глянул совсем ласково и произнес: – Ты же у меня один сынок, наследник! Тебе государство наше опосля меня в руки брать. И продолжать род царей Годуновых... – После чего потрепал меня по макушке, поднялся и вышел из горницы.

А я ошеломленно рухнул на подушки. Ибическая сила! Да что же это за скотство такое?! Сначала вырвать меня из моей собственной, вполне налаженной и обустроенной жизни, забросить хрен знает в какой век, в совершеннейшую дремучесть и дикость, туда, где нет ничего для цивилизованной жизни – ни туалета, ни электричества, ни нормальной кухни, ни бассейнов,

ни яхт, ни зубной пасты, ни... да вообще ничего! Да еще в тело десятилетнего сопляка, от которого просто априори ничего не зависит и зависеть не может. А теперь еще выясняется, что этот десятилетний сопляк – сын того самого горемычного Бориса Годунова...

В школе я учился неплохо, но именно неплохо, не более того. И, несмотря на то что история мне в принципе очень нравилась, я весьма смутно помнил, сколько и как процарствовал Борис Годунов. Ну другие были у меня интересы последнюю пару десятилетий, что прошли с момента, когда я читал о нем в школьном учебнике... Но вот что кончил он плохо, я помнил совершенно точно. Вроде как именно с него и началось то, что потом называли Смутой. А то, что о его сыне я вообще ничего не слышал... ну или не помнил, было еще более неприятным фактом. В нынешние благословенные времена это могло означать нечто совсем уж отвратное – либо задушили, либо зарезали, либо вообще живьем в землю закопали... От этих мыслей у меня мурашки по спине побежали. Ну почему меня занесло именно в это время? В проклятый абсолютизм, когда царь вроде как всевластен, зато и спрашивают с него в случае чего по полной. Со всей семьей в придачу... Бли-ин, хочу демократию! Хочу продажных журналистов, черный пиар, комиссию сената и такой сладкий, приятный и ни для кого не опасный импичмент. Пусть папик спокойно уйдет на покой и будет ездить по странам с миссиями мира и взаимопонимания. И писать книжки о том, каким он был патриотом, опорой свободы и демократии, и как его несправедливо очернили враги. А не тянет за собой в могилу и меня в том числе... Короче, демократию хочу! Хочу, хочу, хочу!!! Ага, щас! А дулю с маслом?.. Нет, надо успокоиться и вспомнить все, что я слышал о Борисе Годунове и его времени.

Спустя полчаса я вынужден был с сожалением констатировать, что не знаю о Борисе Годунове практически ничего. Ни кто он, ни откуда, ни в какое время царствовал. То есть время-то приблизительно, с точностью в лучшем случае до десятилетия, я установить смог. Да и то потому, что, по семейным преданиям, один из моих прапрадедов, до революции относившийся к крестьянскому сословию, сумел пробиться в уездные старшины и так неплохо себя показал, что был приглашен самим государем-императором Николашкой (чтоб ему пусто было, такую империю просрать...) на бал, устроенный в честь трехсотлетия династии Романовых. И состоялся сей бал в городе Санкт-Петербурге, в Зимнем дворце, в тысяча девятьсот тринадцатом году. Отчего простым вычитанием получаем дату воцарения Романовых – тысяча шестьсот тринадцатый. Следовательно, гражданин Годунов царствовал явно *до* сего года. Но насколько «до», я, хоть убей, совершенно не помнил.

Еще, путем длительного напряжения всех своих способностей, я припомнил, что окончание царствования Годунова ознаменовалось какими-то природными катаклизмами. То ли наводнениями, то ли ранними заморозками, отчего в стране начался повальный голод, который продлился то ли три, то ли пять лет... Нет, пять это уж слишком, вообще бы страна вымерла на хрен. И три-то много... Ну, во всяком случае, голод был. Это я помнил точно. Но вот когда? В каком году? Я нервно хмыкнул. Да уж, и так – жопа, да еще и впереди маячит совсем уж полная. Без дураков. И ведь никакого выхода, блин! Ну не могу же я климат изменить? Или могу?.. После всего со мной случившегося я уже ничему не удивился бы. Но ставить на это собственную жизнь не рискнул бы...

Про Смуту я знал чуть больше, хотя источники этих знаний были далеко не корректными. Так, например, одним из последних был фильм «1612», представлявший собой полнейшую беллетристику. Однако то, что после Грозного и перед воцарением Романовых на Руси успели порулить еще некая Семибоярщина (ее я запомнил только потому, что в веселые времена Борьки Ельцина существовал такой термин, Семибанкирщина, и кто-то из умников пояснил, что это как раз по аналогии с Семибоярщиной), а также еще один царь по имени Василий Шуйский, я помнил (о, кстати, а не тот ли это Шуйский, который так усиленно двигал версию, что я онемел?). Однако правили эти Семибояре и Васька Шуйский до Годунова либо позже – я не помнил абсолютно. Ладно, это установить несложно. Поспрошаю аккуратненько. Если

уже правили – значит, о них уже известно, а если нет – значит, их еще не было. Еще там было крестьянское восстание Ивана Болотникова. Но вот когда точно оно состоялось – во времена Бориса Годунова или позже, я, хоть убей, не помнил. Ну и конечно, звезды экрана – Лжедмитрии, которых сажали на престол поляки и всякая местная шелупонь, хорошо погревшая руки на грабежах. А как венец всего, естественно, поход на Москву крутых чуваков Минина и Пожарского, один из них был князь (но кто точно, я не помнил), а второй, кажется, еврей (ну куда уж без них-то). А может, и нет. Но деньги он у себя в Нижнем Новгороде собирал как-то уж очень круто. Типа как братки в лихие девяностые... чуть ли не жен и детей в заложники брал. Во всяком случае, поляков из Москвы окончательно вышибли именно они. На сем вроде Смута и закончилась...

Итак, что мы имеем? Я, успешный российский бизнесмен тридцати семи лет от роду, сумевший на исходе нулевых годов обустроить свою жизнь таким образом, как мне самому нравилось, образование высшее (три штуки, в том числе бакалавриат в Гарварде), холост, не судим (хотя пару раз еле вывернулся, но не по уголовке, а по другим делам), владелец трех квартир (Москва, Лондон и Ла-Валетта), двух домов (Малага и Флом), четырех машин («Morgan Aero 8», «Marysia B2», «Bentley Continental Flying Spur» и раритетного «Horch», ну люблю я эксклюзив, ничего не поделаешь), а также одной яхты марки «Falcon 102» водоизмещением сто тонн, два двигателя по две тысячи сил, максимальная скорость двадцать семь узлов, интерьеры отделаны корнем ореха и яванским тиком, оказался в глубокой жо... то есть глубоком прошлом. В неизвестно каком году. В теле малолетнего сына горемычного Бориса Годунова. И без какого бы то ни было влияния и возможности воздействовать на ситуацию. Ну кто будет слушать десятилетнего пацана, даже если он и царский сын?..

Я зло ощерился и вцепился зубами в подушку, чтобы не заорать в голос. Нет, ну надо же было так вляпаться...

Чуть успокоившись, я вытер мокрое от слез и пота лицо (вот интересно, *мыслью* я вполне адекватно своему прежнему возрасту, а стоит только отреагировать эмоционально, как тут же вылезают реакции десятилетнего пацана) и попытался мыслить позитивно. Итак, что я все-таки могу в этой ситуации предпринять? Не может быть, чтобы жопа была полной и окончательной. Надо искать варианты. Тем более что стимул у меня нынче куда как сильнее, чем, скажем, у того же моего приятеля Джека. Собственная жизнь! А мотивация, она... способна творить чудеса. Так, во всяком случае, утверждал тот профессор, к которому я время от времени наведывался, хотя больше следуя моде, чем необходимости. Впрочем, воспоминание о Джеке натолкнуло меня на первый вариант. А может, слинять? Насколько я помню, английские купцы обосновались в Москве чуть ли не со времен Грозного. Ха, чуть ли... Да со времен Грозного и прошло-то всего ничего. Папашка, если я все верно помню, как раз при нем и поднялся. Но, как бы там ни было, англичане в Москве есть. И, как мне кажется, не только они. Тот же дохтур явно немец... Или у них тут еще и Германии-то нет. А на ее месте существует нечто намного более обширное, но совершенно аморфное под названием Священная Римская империя германской нации. Впрочем, на текущую задачу это уточнение никак не влияло. Иностранные государства были, и, значит, было куда литься. Но литься не просто так, а запасшись баблом и приобретя влиятельных друзей, чтобы там, в далеких землях, не сосать лапу и не побираться. В конце концов, царевич я или не царевич? Неужели не найду, что тут во дворце можно, кхе, приватизировать и обратить в стартовый капитал? В конце концов, такие, как я, целую страну приватизировали, и куда пообильней этой, нынешней... Ладно, примем как вариант номер один.

Что можно сделать еще?..

А вот с этим пока был полный пролет. В разных фантастических книжках, которые я читал в далекой юности, такие вот типа меня попадальцы в прошлое отчего-то непременно имели в памяти разные полезные сведения. Тот же твеновский янки, например, откуда-то знал

точную дату полного солнечного затмения. Что сразу же позволило ему поставить себя как крутого мэна. Остальные тоже кое-что знали и умели – от технологии производства стали до конструкции паровой машины. Я же был не в состоянии припомнить что-то, что мог бы воплотить в жизнь немедленно, прямо сейчас, и тем самым завоевать хоть какой-нибудь авторитет. Ну или что не требовало бы грамотного подбора и обучения кадров и постановки четкой, но весьма и весьма отдаленной задачи. И это меня заело... Ладно бы я был обычным бычарой, в девяностых под шумок наложившим лапу на ошметки, на которые большие дяди, затеявшие всю эту пресловутую приватизацию, обожравшись самого вкусного, не обратили внимания. Так нет же. Все те уроды либо в бегах, либо в могиле, потому что ничего, кроме как примитивно хапать, не умеют. Я же уже *совершенно другое*. Нет, ту закалку никуда не денешь. Я тоже могу *решать вопросы* по-разному. И пули не боюсь, потому как для таких, как я, – это неременная часть всей жизни. Вон живут же итальянцы на Везувии, который уже однажды напрочь завалил целый город и с тех пор не раз просыпался, – и ничего. Радуются жизни по большей части. Вот я тоже. Радуюсь... Но ведь в первую очередь я сегодня – предприниматель. То есть человек, способный создавать нечто, чего до меня еще не существовало, – товар, логистическую схему, торговый узел. Соединить в единую цепочку идею, людей, способных ее воплотить, ресурсы, необходимые для этого воплощения, и получить продукт. Причем получить в нужное время и в нужном месте. Там, где этот продукт окажется востребованным, там, где за него будут готовы отдать самое дорогое, что есть у людей, – деньги... Так что нечего тут сопли разводить, Федя, думай! Что ты такого знаешь и умеешь, что здесь, в этом месте и в этом времени, поможет тебе вытащить твою задницу из той ямы, в которую она угодила?

В этот момент дверь отворилась и на пороге появилась Суюмбике в сопровождении еще трех мамок, держащих в руках чугушки, миски и глиняные кувшины типа крынок. Сама же Суюмбике кроме этого несла еще и набор металлической посуды, судя по всему серебряной. Поскольку я считался больным, кормили меня прямо здесь, в спальне... ну или как это тут сейчас называется. С питанием тоже было все непросто. Во-первых, за все семь дней, что я тут торчал, в меню напрочь отсутствовала картошка, а также помидоры. Хотя само меню было сплошь вегетарианским. Впрочем, это было объяснимо. Если сегодня – Пасха, значит, до нее был Великий пост. Я бросил взгляд на стол. Ага, яйца и кулич присутствовали, значит, я все понял или, вернее, *вспомнил* верно. Но отсутствие помидоров пост не объяснял. Не созрели еще? А солить и мариновать пока не научились? Да глупости. Огурцы и капусту научились, а с помидорами – пролет? Или они, как и картошка, тоже происходили из Южной Америки и просто еще сюда, в Россию, не добрались? Не помню... Во-вторых, в меню было довольно мало жареного. Зато каш и тушеного было немерено. А также похлебок и квашеного, от банальной капусты до яблок и репы. То есть это я только говорю «банальной». Да вы такой капусты в жизни не пробовали! Это просто праздник какой-то, а не квашеная капуста! Уж я-то знаю... Впрочем, местных поваров я тоже мог бы кое-чему и поучить. Скажем, в области щей... а может, и нет. Я же пока не знаю, какие ингредиенты им доступны. Мне смутно припоминается, что в Средние века пряности ценились на вес золота. Если сейчас – так, то, к сожалению, придется обходиться без перца. А вот хрена! Я, чай, царевич, могу себе позволить!.. Так что, может, у поваров того, что надо, просто нет, вот и обходятся чем есть... ладно, это пока задача не первоочередная. Да и не задача вовсе, а так, если походя занесет, тогда и посмотрим...

Между тем для меня закончили сервировать стол. Отлично! Скромное тоже имеется. К тому же все время до этого Суюмбике кормила меня сама, с ложечки, как больного, так сказать, а с сегодняшнего дня, выходит, меня переводят в статус выздоравливающего. Можно попить в свое удовольствие. Я покосился на мамок и, отбросив одеяло, скинул ноги с кровати. Судя по количеству блюд, меня ждал праздничный пир. Ну да, Пасха же...

– Постой, царевич, – придержала меня Суюмбике, – нэ торопись! Нэгожэ без молитвы к столу садиться. Сэйчас твой духовник отэц Макарий прийдэ, исповедуэшся, молитву сотворишь...

А я почувствовал, как внутри у меня все похолодело. Вот так и палятся люди. Ну как я могу сотворить молитву, если ни одной не знаю?! А чем это мне может грозить в этой предельно религиозной и пронизанной суеверием среде, где дьявол и бесы не нечто отвлеченное и метафизическое, а совершенно реальны и таятся вон, вон там, в углу, и ждут только малейшего шанса, чтобы оседлать и захватить любого... Я замер, лихорадочно прикидывая, что можно предпринять. Но в этот момент дверь распахнулась, и, к моему облегчению, на пороге появился дядька Федор, тот самый «херр Тшемоданов», который, как я уже установил, являлся моим наставником и доглядчиком. Если он успел переговорить с отцом... успел, по глазам видно. Так что появление в моей комнате худого священника со строгим лицом уже не вызвало у меня такой уж сильной паники. Тем более что в его взгляде явственно читалась жалость. Похоже, дядька Федор успел ему рассказать о моем горе.

Священник подошел к моей кровати, осенил меня крестным знамением и протянул руку, которую я, причем совершенно инстинктивно, на автомате, поцеловал.

– Выйдите все, – коротко бросил священник и, дождавшись, пока мы остались совершенно одни, присел рядом и погладил меня по голове. – Слышал, сыне, о твоей печали, – ласково начал он. – Что, совсем ничего не помнишь?

– Не совсем, батюшка, – отозвался я. – Кое-что помню хорошо, но сего мало, немного больше помню смутно, а по остальному – как в тумане все. Кое-что – угада, а так...

– И молитв не помнишь?

Я в ответ только вздохнул. Священник задумчиво кивнул, а затем снова осенил меня крестным знамением. Но этот жест был уже не тем, что в первый раз. В тот раз он был привычным, ну вроде того как мы протягиваем руки, здороваясь. На этот же раз его крестное знамение больше напоминало этакий тест, проверку, типа, а ну как то, что сидит сейчас перед ним в облике царевича, заревет, засвистит да и отшатнется от Христова знака. Но я отреагировал спокойно. Священник удовлетворенно кивнул и, поднявшись на ноги, поманил меня к углу с иконами. Я послушно последовал за ним. Опустившись на колени, священник указал мне место рядом и сказал:

– Повторяй за мной, сыне...

А все-таки есть, есть эта глубинная, сцепленная с телом память. Знаете же, бывает так, что вроде как ты абсолютно не помнишь ни слова, но стоит кому-то произнести некую ключевую фразу, и все, дальше ты уже продолжаешь ее на автомате. Например, после фразы: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» сто процентов из ста совершенно точно продолжают: «Москва, спаленная пожаром, французу отдана? Ведь были ж схватки боевые, да, говорят, еще какие! Недаром помнит вся Россия про день Бородина!» А если просто попросить человека вспомнить хоть что-нибудь из Лермонтова, то многие будут просто хлопать глазами и молчать. Вот и сейчас, стоило отцу Макарию произнести:

– Отче наш, иже еси... – как из меня полилось.

Причем, как я припомнил, чему-то подобному меня учили и в том, моем времени. Но там я не дал себе труда запомнить это. А здесь из меня лилось и лилось, бойко, привычно... и рука сама собой в нужный момент совершала крестное знамение, и спина сгибалась, когда надо было отвесить земные поклоны Спасителю. Складки на лбу отца Макария расправились, и он одобрительно кивал, вслушиваясь в тонкий детский голосок. Не успел я закончить одну молитву, как священник начал другую, и я тут же продолжил и ее. Я точно знал, что уж эту-то никогда не учил, но слова лились из меня потоком, и не просто лились, а возникали и *оставались* в памяти. Так что повторить эту молитву, к тому же с любого места, мне уже не составляло особенного труда. Да если то, что знал и умел этот пацан, будет восстанавливаться так просто,

не сглупил ли я, рассказывая отцу о своей временной потере памяти?.. Да нет, не сглупил. Страшно подумать, что бы было, если вдруг внезапно обнаружилось бы, что царевич не знает молитв. А так и было бы, если бы отец Макарий не пришел мне на помощь и не начал молитву сам. И то, что я царевич, меня не спасло бы. Эх он меня крестным знамением *тестировал*.

– А не вижу я, сыне, что ты что-то забыл, – удовлетворенно произнес священник, когда я отгарабанил третью молитву подряд.

– Забыл, батюшка, – вздохнул я, – как есть забыл. Токмо, едва вы начали, как оно само из уст полилось. Сразу все и вспомнилось. И такое облегчение в душе стало...

Тут я почти и не врал. Действительно, едва мои губы начали шептать молитву, как все тело охватила сладкая истома. Ну типа когда я возвращался домой с какой-нибудь тяжелой, нудной, но необходимой встречи, скажем, со стрелки с ребятами Пугача, с которым у меня в конце девяностых очень большие напряжения были, да еще состоявшейся в гнусную погоду и в очень поганом месте, сдирал с себя грязную и мокрую одежду и плюхался в горячую ванну. Вот так и здесь мне почудилось, будто все неприятности и подлости внешнего мира сползают с меня, как грязь под струей горячей воды. Странное, скажу я вам, ощущение и очень необычное... Черт, может, в этой вере действительно есть нечто сильное, и она не просто сказочки для бедных и слабых, как я раньше считал? Или для того, чтобы она так на человека действовала, надобно, вот как этот мальчик, в теле которого я находился, изначально *расти* в ней? Это ж как же мы в нашем времени себя изуродовали-то? Брр...

– Вот и ладно, – согласно кивнул отец Макарий. – Значит, теперь вспоминать будешь. Псалтырь и часослов читай. Такое тебе мое задание до дня заутреннего...

А сразу после отца Макария меня ждал еще один сюрприз. Слава богу, на этот раз приятный. Едва только спина священника скрылась в дверном проеме, а я, сглатывая слюну, нацелился на накрытый стол, как в мою комнату ворвалась очень аппетитная девчонка. Она с легким взвизгом бросилась мне на шею, и я едва удержался, чтобы не ухватить ее за вполне аппетитную попку.

– Братик! – завопила она. – Как здорово, что ты уже встаешь! Я так за тебя боялась! Когда Матрена мне сказала, что ты духа лишился, я так волновалась. И молилась, молилась за тебя...

Опа... Значит, у меня есть сестра? Интересный расклад. А девочка-то самый сок. Ух бы я такую... Я осторожно убрал руки за спину. Спокойно, царевич Федор, спокойно, тебе всего десять лет, и эта девчонка твоя сестра. Поэтому руки не распускать. И вообще, повернись чуть боком, чтобы девочку не сконфузить...

А потом мы с сестрой сели снедать. Она весело щебетала, рассказывая мне о своем путешествии на богомолье, в Троице-Сергиев монастырь, и попутно вываливая на меня туеву хучу всякой информации, которую я старательно укладывал в свою черепную коробочку. Тем более что большая часть ее, похоже, там имелась. Поскольку все эти Бельские, Салтыковы, Романовы, Вельяминовы, а еще целый выводок Годуновых, всяких двоюродных и троюродных дядьев, братьев, племянников и иже с ними, именами Семен, Дмитрий, Иван, Степан, Яков и так далее, и кончая бывшим сестриным женихом Густавом Шведским, коего она до сих пор не могла простить, и ливонцами, коих Грозный ущемлял, а батюшка наш простил и обласкал, вызывали у моего тела вполне живую реакцию. Похоже, мне нужно было лишь немного поразбираться на досуге, чтобы разложить все окончательно по полочкам. Впрочем, возможно, этого будет мало. Ну что может знать обо всех этих людях десятилетний пацан? Этот – добрый, тот – толстый, а вон тот – жадный. Все мы способны собирать информацию об окружающем только в объеме имеющихся у нас интересов. А какие интересы у ребенка? Хотя... это же не просто ребенок, а царевич. А сие в этом времени, когда подобная «должность» была чревата ядом, топором палача или, скажем, пожизненным сырым каменным мешком с максимальным приложением охраной усилий, дабы эта «пожизненность» не слишком затянулось, предъявляло

даже к ребенку очень нехилые требования. Так что в этом случае и десятилетний мальчишка мог намотать, так сказать, на ус много чего интересного.

Короче, обед прошел не только весело, но и с огромной пользой. Лишь в самом конце я едва не спалился в очередной раз. Потому что сестренка Ксения, оборвав свою очередную фразу, внезапно уставилась на меня сердитым взглядом и рявкнула:

– А ну, перестань на меня так смотреть!

– Как? – не понял я.

– Срамно! – буркнула она и покраснела.

А я торопливо отвел взгляд, матерясь про себя. Да, парень, осторожнее надо быть, осторожнее. На минном поле находишься. Шаг вправо, шаг влево – все, аллес капут! А ты тут расслабился, на девичью грудь масляные глазки навел. Да еще на сестрицу. Ну не урод ли?..

Проводив сестренку, я почувствовал, что меня потянуло в сон. Ну еще бы, всю ночь не спал, учил «матчасть», собираясь отоспаться как обычно днем, а тут вон оно как повернулось. Да еще такая эмоциональная нагрузка – отец, сестра... Так что я начал зевать, еще прихлебывая кисель. И потому Суюмбике, быстро утерев мою позевывающую мордочку, отвела меня в постель. Уже засыпая, я внезапно подумал, что с гигиеной-то здесь как-то не очень. За все время, что я здесь находился, меня умыли только раза три, а о том, чтобы мыть руки перед едой, тут вообще и слыхом не слыхивали. С этим я и уснул...

3

– Аким! А-аки-им!

Аким торопливо бухнул бадью с водой на лавку и обернулся к отцу.

– Чего еще надобно, тятя?

Отец добродушно усмехнулся:

– Беги уж, пострел. – После чего ловким движением выудил из горна заготовку сошника и опустил ее на наковальню, указав молотобойцу: – Изначали!

Аким шустро шмыгнул за дверь, сопровождаемый перестуком молотков. Однако, едва переступив порог кузни, Аким вытянул из-за пояса тряпицу и, делая вид, что вытирает измазанные в угле и железной окалине руки, двинулся к воротам. Несмотря на то что для своих девяти годов Аким выглядел очень крупным и сильным парнем, отец его пока не допускал до наковальни. Нет, в кузне Аким уже давно торчал вполне законно. И помогал отцу чем мог. Ну там воды из колодца наносить, пол подмести, струмент после работы очистить и разложить как потребно, иногда ему даже доверяли разжечь горн, но наковальня для него пока что была под запретом. А обидно же. Сколько раз видел, как батя все делает, как калит заготовку, как работает молотом, когда один, а когда на пару с Петрушей-молотобойцем, и вроде было все понятно, как и что делать-то. И сам же батя иногда эдак взглянет сторожливо, примечает ли сын, а когда и прямо скажет: «Ну-тко, примечай», а все одно ни разу молота в руки не дал. Даже на пробу. Но приятелям об этом знать совершенно необязательно. Пусть думают, что он уже вполне взрослый и родителю шибко пособляет...

Отворив сделанную из деревянных плах толстую воротину, Аким степенно оглядел приятелей. Компания у них подобралась ровная. Никому не перед кем особенно кичиться нечем. У Луки отец состоял в гончарной сотне, у Прокопа батя держал паром через Москву-реку у Семиверхой башни, а Митрофан, самый старший в их компании, ему исполнилось уже одиннадцать лет, был сиротой. Но зато он, как дворянский сын, отец коего сложил голову за веру и государя, был приставлен к кремлевским конюшням. Поэтому у всех них был почти беспрепятственный доступ в сам Кремль, а Митрофан, несмотря на сиротство, имел в их компании довольно высокий статус. Хотя, конечно, не такой, как у Акима, сына известного в Белом городе кузнеца-оружейника. Кузнецы в Белом городе вообще были наперечет. Ремесленные слободы еще при Грозном-царе выселили в Скородом⁸, окруженный уже при его сыне земляным валом с частоколом и деревянными воротами. Аккурат после того самого набега крымчаков, когда нехристи Москву разорили и пожгли. Так что сам факт того, что тятя Акима имел кузню именно в Белом городе, уже поднимал авторитет его семьи на недостижимую высоту.

– Ну, чего еще? – тоном занятого человека, которого оторвали от важного дела, пробурчал Аким, продолжая тереть грязной тряпкой свои до начала сего действия вполне чистые руки.

– Айда в Кремль! – возбужденно загалдели мальчишки. – Боярин Гуринов дочку замуж отдает! У Китайгородской стены столы накрыты, а сейчас жених с невестой в Успенский собор пошли!

Это известие мигом сбило с Акима всю его показную серьезность. Боярская свадьба, да еще с венчанием в Успенском соборе... это не каждый день случается.

– Бежим! – тут же решил он, первым срываясь с места.

Ух и весело же будет! Скоморохи с дудками – кто в смешных шапках с колокольцами, кто на ходулях, кто в вывернутых тулупах, – ручные медведи. А как славно полюбоваться на невесту с женихом, поорать здравицы, пообсыпать их крупой-рушаницей из плошек, установ-

⁸ Скородом, иначе Земляной город, часть средневековой Москвы от стены Белого города, проходящей по границе современного Бульварного кольца до вала с частоколом, располагавшимся на месте Садового кольца.

ленных тут же как раз для этого. А ежели свадьба богатая (а какая же еще, чай, боярин дочку замуж отдает), то жениха с невестой непременно обсыплют еще и деньгой⁹. И можно будет эту деньгу потом пособирать. Правда, на это дело не одна Акимова ватага накинется. Много пацанов на Соборную площадь сбежится. Без зуботычин не обойтись, ну да ничего, не впервой, тем более что в Кремле сильно большую драку затеять не дадут. Как-никак царев дом... Стрельцы рядом, а у Митрофана с ними все накоротке налажено. Так что с прибытком будем. А на одну деньгу на сладком торге аж два леденца купить можно. Короче, боярская свадьба – дело не только интересное, но и полезное, пропустить которое никак невозможно.

В Кремле было людно. Ну еще бы – не каждый день думный боярин дочь замуж выдает, а уж чтобы царь дозволил в Успенском соборе венчание провести, так это вообще знак особого благоволения. На Москве, чай, церковей много. Ребяшня шустро пробилась сквозь толпу к боярским рындам, что держали проход из церкви к украшенным возкам, и завертела головами.

– Эх ты, глянь-кась! – ахнул Митрофан, ткнув Акима кулаком в бок. – И царевич здесь...

– Где?!

– Да вона, видишь, промеж двух стрельцов стоит.

– С боярином который?

– Какой это тебе боярин, – снисходительно протянул Митрофан, – окольничий это, дядька царский, Федор Чемоданов.

– А верно ли бают, что царевич болезный, – встрял Прокоп, – падучая у него и немощь в членах?

– Бают, – солидно согласился Митрофан. – У нас на конюшне дядька Никита сродственницу на женской половине палат имеет. Так вот она сказывала, что царевич на Пасху болел сильно. Немчину-дохтура ему вызывали, а сама царевна Ксения за брата молилась жарко. Да вона она...

И все развернулись в ту сторону, в которую указывал Митрофан.

– Лепая какая, – зачарованно произнес Лука.

– А то! – гордо произнес Митрофан. – За нее сам кесарь римский сватается¹⁰.

Но тут толпа заволновалась, закричали:

– Выходят! Выходят! – И мальчишкам стало не до лицезрения царевых отпрысков...

– Моя, отдай!

Аким полетел кувырком от сильного удара в плечо, не выпустив, однако, деньгу, которую выудил из пыли рядом с обрезом красного сукна, расстеленного в виде дорожки от ступеней храма до того места, где стоял свадебный возок, украшенный рушниками, лентами и березовыми ветвями. Народ кинулся подбирать деньги, едва свадебный поезд тронулся, поэтому на самом сукне все было уже поднято. Но вот по сторонам дорожки еще был шанс наткнуться на какую-нибудь затерявшуюся и затоптанную дружками, величальницами и всякими сродственниками жениха с невестой монетку... Больно шмякнувшись на бок, Аким сунул деньгу в рот, за щеку, где уже уютно была устроена еще одна (это ж какое богатство-то, мать божья!), и развернулся к обидчику. Это был довольно кряжистый парень, гораздо старше Акима, лет двенадцати от роду, одетый в добротный армяк. Сейчас он возвышался над мальчишкой, сверля его злым взглядом.

– Моя, – прорычал он, – отдай. Я первый углядел.

– А я первый поднял, – резонно ответил ему Аким, косясь по сторонам: где ватага-то?

Евойные ватажники увлеченно ковырялись в толпе мальчишек и юродивых, перетрахи-вавших пыль.

⁹ *Деньга* (денга) – мелкая русская серебряная монета, имевшая хождение в XIV–XVIII вв.

¹⁰ Действительно, император Священной Римской империи Рудольф II, к которому было направлено посольство с предложением посвятить Ксению Годунову за его брата Максимилиана, одно время рассматривал вопрос о том, не жениться ли на русской царевне самому. До сватовства дело так и не дошло.

– Ах ты... – прошипел парень и, ухватив Акима за шкирку, грубо полез грязными пальцами к нему в рот, пытаясь извлечь оттуда богатство, которое по праву считал своим.

Аким стиснул зубы и отвернул лицо.

– Отдай, – пыхтел парень, безуспешно пытаясь лишить Акима законной добычи.

А тот изо всех сил ерзал во вражеских руках, одновременно пытаясь не дать супротивнику завладеть найденным и вывернуться. Но в одиночку освободиться никак не получалось.

– А-а-а-а!

Бумс!

Аким полетел на землю, но на этот раз вместе со своим обидчиком, чего тот, похоже, совершенно не ожидал. Поэтому в следующее мгновение Аким почувствовал, что свободен, и, воспользовавшись этим отрядным фактом, быстренько, даже не вставая, а так, на четвереньках, отполз в сторону.

– Ах ты, Митроха, вдовый сын! – свирепо прорычал его обидчик, поднимаясь на ноги. – Ну ты сейчас у меня получишь...

Вот оно что... Аким быстро вскочил на ноги и, быстро загнав монетки языком к основанию щеки, встал рядышком с Митрофаном, чей толчок как раз и послужил добром делу освобождения самого Акима. Его обидчик, двинувшийся было на Митрофана, остановился и сумрачно оглядел стоявших перед ним ребят. А в следующее мгновение что-то вдарило Акима под локоть, и он, скосив глаза, увидел вставших рядышком Луку и Прокопа. Это окончательно отбило у незнакомого пацана охоту самостоятельно устанавливать устраивающие его порядки, и он, задрав голову, этак плаксиво заорал:

– Митя-а-ай!

– А чаво ето? – почти сразу же пробухтел кто-то из толпы увлеченно роющихся в пыли.

И в следующее мгновение четверо друзей невольно попятились. Митяй оказался дюжим холопом уже совсем преклонных лет, под двадцать пять годков, не менее... Он надвинулся на кучую шеренгу мальчишек как крымская орда, заставляя всех четверых ослабнуть в коленках и испуганно завертеть головой. То, что пора было бежать, никаких сомнений не вызывало, но вот куда? Все эти кувырки и падения привели к тому, что мальчишки оказались зажаты между лестницей и стеной Грановитой палаты. Конечно, если броситься врассыпную, то как минимум двое имели шанс проскочить. В конце концов, у этого Митяя всего две руки. Но это означало бросить остальных.

– Гы, – гнусно усмехнулся Митяй и двинулся вперед, растопырив руки.

– А ну, осади!

Вся многофигурная композиция, слышав эту фразу, произнесла спокойным, но властным голосом, замерла и осторожно поворотила головы в ту сторону, откуда прозвучали эти слова. Перед ними стоял стрелец. В красном кафтане дорогого голландского сукна¹¹ и с парадным бердышом, украшенным по лезвию нарядной насечкой, в руках. Аким несколько мгновений ошеломленно пялился на него, а затем завертел головой. Вроде как все стрельцы, которых он видел у ворот и здесь, на Соборной площади, были в обычных кафтанах, из серого, русского сукна. Откуда же здесь взялся стрелец в красном? Внезапно до него дошло, где он видел стрельцов в красных кафтанах. Причем практически одновременно с тем, как он увидел того, кто отправил им своего стрельца на помощь...

– А ну-ка, пострелята, геть отсюда! – добродушно усмехнулся стрелец и махнул рукой.

И все четверо послушно припустились бегом в сторону Троицких ворот.

¹¹ В начале XVII в. основным производителем сукна была Голландия, английское сукно еще не стало мировым брендом, но поставщики английской шерсти уже вовсю конкурировали за голландский рынок с испанцами. И, в общем, побеждали.

– Видал? – с трудом переводя дыхание, выдавил из себя Лука, когда они, добежав до угла Николо-Греческого монастыря, от которого и получила свое прозвание Никольская улица, наконец остановились.

– А то... – полузадушенно отозвался Прокоп и, сделав пару тяжких вдохов, добавил: – Это ж надо...

– Да уж... – покачал головой Лука, – сказать кому – не поверят. Сам царевич за нас заступился! – Он повернулся к Митрофану и возмутился: – А ты говорил – болезный, падучая! А он вона – все видит!

– Так то ж не я, – примирительно произнес Митрофан, – то люди бают... и Прокоп вон тоже...

– А чего я? – тут же вскинулся Прокоп. – Это маменька со свояченицей гречу перебирали и болтали, что на посаде слух был...

Но Аким было совсем не по нраву, что про выручившего их царевича ходят такие разговоры.

– А неча слушать всякие бабы сплетни, – зло бросил он и презрительно сплюнул, показывая, как относится к тем, кто эти сплетни разносит.

Но остальные сделали вид, что это к ним не имеет отношения. И вовсе даже они этим сплетням и не верили...

– А откуда этот тебя знает? – спросил Аким у Митрофана, когда уже совсем отдышался.

– Да он тоже из кремлевских, – нехотя отозвался тот. – Монька, приказного дьяка Гаврилы Ляпнева сын. Его батя уже к своему делу приучать начал, – завистливо пробурчал он.

Его зависть была вполне объяснимой. Приказные дьяки – люди уважаемые, завсегда при власти, при почете. И с отцовой помощью этого Моньку впереди ждали такой же почет и уважение. Сначала помощником писца потрудится, затем и в писцы выйдет, а потом, мало-помалу перебираясь со ступеньки на ступеньку, вослед отцу займет и место приказного дьяка. Во многих приказах сидело уже второе, а кое-где и третье поколение дьяков, кои были воспитаны и пристроены к делу отцами, занявшими хлебные места еще во времена Ивана Грозного. А сироте Митрофану ничего такого не светило. Даже в том, что царь-батюшка соизволит принять его на службу и дать ему поместье на прокорм, Митрофан не был уверен, несмотря на то что отец его значился в Разрядном приказе как дворянин, да не простой, а опричных земель. Да ежели бы не отцовы соратники, что состояли в службе при бывших опричных, по сию пору имевших вес при дворе нового царя Бориса, коий и сам был из опричников, его и на конюшню бы никто не взял. Тяжела судьба сироты...

– А айда к стене! Там сейчас пир вовсю, – предложил Лука.

– Да ну его, – махнул рукой Прокоп, – там небось уже за людскими столами все места заняты. Эвон – паперти пустые, куды, мыслишь, нищие побегли? Да и со Скородома, вестимо, народищу принесло. Айда лучше на подворье к боярину.

– Да нас туда не пустят, – резонно заметил Митрофан.

– А не пустят, так через ворота посмотрим, – ответил Прокоп. – Да и скоморошьи ватаги все туда подались. И таперича друг перед другом изгаляются, чтобы дворяне боярские самую справную ватагу в терем, на боярский пир скоморошничать допустили.

Все обернулись к Акиму – за ним обычно и было последнее слово. Тот выдержал солидную паузу, невольно подражая отцу, который никогда не рубил сплеча, и постановил:

– На подворье пойдем.

Короче, день прошел просто замечательно. Уже вечером, лежа на лавке, Аким снова припомнил, как царевич послал стрельца защитить их от этого дурацкого Митяя. И улыбнулся. И ничего он не болезный. Врут всё...

Еще раз они с царевичем свиделись на следующей неделе. Как раз на Вознесение Господне. По такому случаю литию¹² в церкви Покрова, что на Васильевском спуске, служил сам патриарх, поэтому народу там собралось видимо-невидимо. Многим хотелось поглядеть на патриарха, а при удаче получить его благословение. И хотя свой патриарх на Москве был уже десять лет¹³, все одно народ перед сим саном по-прежнему шибко благоговел. Аким тоже был там, в толпе, неподалеку от Лобного места. Причем в отличие от многих, в такой толпе не имевших особенных шансов даже просто поглазеть на патриарха, сын кузнеца находился на позиции, с которой ему открывался замечательный обзор. А именно – на шее отцова молотобойца Петруши. Они с батей отстояли всенощную в своей церкви и уже потом двинулись сюда. Всенощные на Вознесение Господне во всех храмах заканчивались приблизительно одинаково, но всем было понятно, что сюда, на причастие к патриарху, набегит довольно бояр и иного знатного либо богатого люда, так что святейший из храма появится нескоро. На это и был расчет. Аким после всенощной наотрез отказался идти домой спать и увязался за отцом и Петрушей, но сейчас, сидючи на могучей шее молотобойца, всю зевал и тер глаза кулаком.

– Ну как, сыне, не уснул еще? Можя, домой пойдем?

Аким с треском захлопнул рот, потому как вопрос отца пришелся на момент особенно длинного и сладкого зевка, и испуганно замотал головой.

– Нет, тятя, и совсем спать ни капельки не хочется.

– Ну смотри... – усмехнулся отец.

И тут толпа взволновалась, гомон, все это время висевший над ней, внезапно стал громче, а кое-где слышались крики:

– Выходит, выходит!

И сон с Акима моментом слетел. Он заерзал на крепких плечах Петруши, вытянул шею и... увидел! Патриарх Иов стоял на ступенях храма и осенял собравшуюся толпу крестным знаменем. Аким почувствовал, как его сердце отчаянно забилося. Вот патриарх развернулся в его сторону и... осенил и его, Акима! Сын кузнеца счастливо вздохнул. Сподобился!.. Но в следующее мгновение ему стало не до патриарха. Потому что следом за Иовом, степенно сошедшим со ступеней и двинувшимся сквозь толпу к Фроловским воротам¹⁴ Кремля, Аким увидел царевича. Возможно, да скорее всего, там был и сам царь, но Аким в данный момент никого другого не видел. Только царевича. Поскольку после того случая на Соборной площади неосознанно считал его кем-то близким и даже для него, Акима, более важным, чем сам царь. Хотя спроси его кто – почему? – мальчик бы затруднился с ответом. Ну чулось ему так, и все. Мало ли на свете случаев, когда мы поступаем вроде как абсолютно иррационально – в любви, дружбе, уважении. И попробуйте сказать, что в этих случаях мы ошибаемся чаще, чем тогда, когда проявляем строгий и сухой рационализм...

Царевич, одетый в нарядный кафтан и красные сафьяновые сапоги, гордо шел меж двух рынд. Аким дернулся, рефлекторно махнув царевичу, будто старому приятелю, ну вроде как тому же Митрохе, но затем испуганно опустил руку. Тоже мне тютя, нашел кому махать! Как бы руки не поотрубали... Кто ты и кто царевич? А все ночь бессонная виновата, совсем голова дурная... Он бы так и ругал себя, если бы вдруг не произошло чудо. Его испуганный взгляд внезапно встретился с взглядом царевича, который все так же гордо и торжественно шествовал за патриархом, и царевич... улыбнулся. И, вот те крест, даже едва заметно шевельнул рукой,

¹² *Лития* – означает «усиленное моление», особое богослужение, проводимое во время всенощной по особо торжественным церковным праздникам. На литии поминаются общецерковные и местные святые, произносятся особые прошения об избавлении от всяческих бедствий.

¹³ В 1588 г. Борис Годунов получил от Константинопольского вселенского патриарха Иеремии II согласие на установление в России патриаршества. Первым патриархом Всея Руси стал митрополит Московский Иов, избранный церковным собором в 1589 г.

¹⁴ Ныне это Спасские ворота.

будто приветствуя Акима, как... ну как доброго приятеля. От изумления Аким аж рот разинул. Да так и просидел с разинутым ртом до того момента, как Петруша не снял его со своей шеи.

– Ну как, видел патриарха-то? – спросил его отец, когда Аким вновь утвердился на земле собственными ногами.

Аким захлопнул рот, сглотнул и, решив, что ничего отцу говорить не будет, да и сам не веря до конца, что все виденное ему не приоблазнилось, кивнул:

– Да, тятя, видел...

Так закончилась эта ночь.

Следующая неделя прошла обыкновенно. И Аким уже начал думать, что все, что случилось в ночь праздника Вознесения Господня, ему точно привиделось, но затем произошел случай, навсегда изменивший как его собственную судьбу, так и судьбу всех мальчишек его ватаги.

Этот день даже начался необычно. Аким натаскал воды в кузню, разжег горн и разобрал комки крицы, которые отец как раз вчера прикупил у купца, торгующего завозным железом, и уже совсем было приготовился пристроиться в уголке, откуда всегда наблюдал за тем, как работает отец, как вдруг тот поманил его к себе.

– Ну что, сынок, – заговорил он, усмехаясь в бороду, – а не пора тебе приучаться к ремеслу по-настоящему?

Аким замер. Неужто? Неужто ему дадут в руки молот?! Неужто позволят дотронуться им до заготовки?! Неужто он наконец сможет подобно отцу прикоснуться к раскаленному металлу?!!

– А ну-тко, иди сюда, – позвал его отец.

Аким сглотнул и сделал шаг вперед. Отец осторожно взял его за плечи, поставил перед собой, прямо у горна, ухватил клещами крицу и, опустив ее на угли, повернул рукояти клещей к Акиму.

– Держи.

Аким с судорожно бьющимся сердцем ухватился обеими руками за рукояти клещей. Отец осторожно разжал ладонь и шагнул назад, занимая место, которое он до сих пор иногда доверял Акиму, – у мехов.

– Как калишь, помнишь?

– Да, батя, – сипло прошептал Аким.

– Ну с богом, – отозвался отец и заработал мехами...

Что было дальше, Аким помнил смутно. Его полностью захватил процесс. Он старался изо всех сил, ворочая довольно быстро ставшую страшно тяжелой заготовку. Время от времени из-за его спины появлялась рука отца и то подсыпала в горн угля, то, ухватив за рукояти клещи, ловко разворачивала заготовку, но по большей части Аким орудовал клещами сам.

– Так. Будет. Дошла. А ну, давай ее сюда! – скомандовал отец.

Аким изо всех сил налег на рукояти и выволок-таки малиновый слиток, на последнем издыхании донес его до гладкого стола наковальни. Отец сноровисто перехватил клещи и кивнул в сторону бадьи:

– Охолони, сынок.

Старому кузнецу было понятно, что голова малорослого и короткорукоего мальчика все это время находилась ближе к горну, чем, например, у него, поэтому тому требовалось немедленно охладиться. И как еще до сих пор не сомлел? Добрый кузнец растет...

Аким, шатаясь, добрал до бадьи и, зачерпнув ковш студеной водицы, вылил его себе на голову, как это обычно делал отец или Петруша. Уф! Благода-ать... Но в следующее мгновение за его спиной послышался стук отцова молота, и Аким шустро развернулся. Как же так, без него-то? Отец на мгновение прервался и глазами указал Акиму на небольшой молот. Аким

ухватил молот и подскочил к наковальне. И они с отцом споро застучали по слитку, который под их ударами начал потихоньку превращаться во вполне узнаваемый колун...

После жара кузни июньский ветерок показался Акиму настоящим блаженством. Впрочем, он бы никогда не покинул кузни, если бы отец по окончанииковки не велел выйти на воздух и посидеть.

– Будет с тебя сегодня, – весьма строго приказал батя. – Иди мамку обрадуй.

Но до мамки Аким так и не дошел, уселся тут же, у поленницы, тяжело дыша и утирая пот с красного лица. Впрочем, мамка сама быстро о себе напомнила.

– Сынок, там к тебе дружок прибежал...

Голос матери донесся до Акима, еще находящегося под впечатлением своей первойковки, будто сквозь пелену.

– Сынок...

– А? Что? – Аким вскочил и, обернувшись, расплылся в улыбке. – Матушка! А я сегодня с тятей ковал!

Матушка улыбнулась и покачала головой.

– Ну вот, совсем ты у меня вырос, Акимушка. С тятей уже ковать начал. Скоро настоящим ковалем станешь... – Она вздохнула и повторила: – Там к тебе дружок прибежал.

– Ага, – все еще пребывая где-то в высших сферах блаженства, отозвался Аким, но затем спохватился: – Дружок? А кто?

– Митрофан.

Аким едва не пропустил к воротам, распираемый своей важной и славной новостью, но сумел удержаться и, на этот раз *вполне законно* вытащив из-за пояса тряпицу, зашагал степенно, предвкушая, как будет хвастаться перед Митрохой своим новым статусом.

Но, к его удивлению, когда он, улучив момент, небрежно бросил, что, мол, «топор седни сковал» (признаться, что сковал всего лишь грубый колун, было выше его сил), Митрофан на это практически не отреагировал. И вообще, он был весь какой-то странный, дерганный и нес какую-то околесицу. Мол, надобно им всем сразу после обедни встретиться у Чудова монастыря. А он им потом что-то интересное покажет. Но вот что там такого интересного – так и не сказал. Только велел непременно быть. Даже три раза это повторил. А затем убежал звать Луку с Прокопом.

Вернувшись в дом, Аким умял здоровенный кус хлеба с пареной гречей, предусмотрительно выставленный маменькой «ее работнику», запил все это молоком, утром принесенным матерью с торга, и отправился обратно в кузню. Устроившись в своем уголке, он уставился на работу отца и Петруши и спустя какое-то время внезапно осознал, что видит ее совершенно другими глазами. Опыт, который он получил нынешним утром, самолично охаживая молотом бока железного слитка, заставляя его повиноваться себе, принимать нужную ему, Акиму, форму, изменил его собственное видение. И многие вещи, на которые ранее он не обращал внимания, бывшие ему как бы невидимыми, например, как отец или Петруша держат молоты, как и с какой силой наносят удары, почему сейчас бьют по железу мелко и торопливо, а вот сейчас уже более медленно, но сильно, приобретали для него свое, истинное значение. Он так увлекся этим своим новым видением, что едва не пропустил назначенный Митрофаном час. И вылетел из дома, когда до урочного времени оставалось всего ничего, по пути поругивая Митроху за то, что тот из-за каких-то вдруг стукнувших ему в голову бредней оторвал его от столь увлекательного занятия...

К Чудову монастырю он опоздал. На его счастье, на Боровицких воротах стояли стрельцы, уже видевшие его вместе с Митрохой, так что это препятствие он преодолел без проблем. А вот когда дошел до Чудова монастыря, на него набросился Митрофан:

– Ну где ты шляешься?! Во сколько сказано было?!

Аким даже слегка опешил. Вдовый сын в их компании числился куда ниже него, и потому такой тон в отношении Акима был удивителен. И хотел грубо оборвать приятеля, но, присмотревшись, понял, что тот вовсе не бычится, а действительно обеспокоен опозданием. А в этом, как ни крути, вся вина была именно его, Акима. Поэтому он примирительно произнес:

– Ну ладно, ладно, не сердись. Моя вина, признаю. В кузне задержался. – И, не удержавшись, повторил: – Топор ковал... – И тут же прикусил язык, ожидая Митрохин вопрос: «Снова?» и лихорадочно размышляя, как же вывернуться. Но Митрофан отчего-то не стал задавать этот вопрос и даже никак не отреагировал на возбужденные вопросы Луки:

– Взаправду?! Дак ты теперь всамделишный кузнец, Аким?..

Митрофан же только вздохнул и, как-то непонятно насупившись, произнес:

– Пошли.

И они пошли. Сначала мимо Чудова монастыря, затем свернули к стоявшей в строительных лесах колокольне Ивана Великого, потом спустились по крутому косогору к кремлевской стене, что тянулась вдоль Москвы-реки, и, проплутав по зарослям бузины и орешника, выбрались к какому-то бревенчатому срубу. Здесь Митроха остановился. Трое его приятелей недоуменно огляделись. Ничего интересного тут не было – глухие задворки, каковых полно и в Белом городе, а уж в Скородоме вообще воз и маленькая тележка.

– Ну и что тут такое интересное? – не выдержав, спросил у Митрофана Прокоп.

– Подождите, – тихо ответил тот.

– Чего?

Но ответил им не Митрофан:

– Не чего, а кого...

Этот голос заставил сердце Акима заколотиться в бешеном ритме. Он на мгновение замер и медленно обернулся, уже зная, кого увидит. И он не ошибся...

4

Да уж, удружил мне Хромой, нечего сказать. Я чертыхнулся про себя и зло стиснул зубы. – Херр тсаревитш, ви опять отвлекайтесь!

Я послушно склонил голову и заскрипел пером. Вот ведь привязался, дубина. Ну за каким чертом мне нужно перерисовывать эту карту? Ладно бы хоть точная была, а тут... По ней выходило, что, скажем, от Нижнего до Казани по Волге плыть едва ли не вдвое дольше, чем на самом деле. Других искажений также, вероятно, хватало, недаром она вся была какая-то искореженная, как нарик во время ломки, что даже моему неискушенному, знакомому с картами только через глобус, автомобильные атласы и GPS-навигаторы взгляду было заметно. Ан нет, рисуй! Вообще-то царевича, то есть меня, учили вполне основательно. Ну по местным меркам, разумеется. Первое и главное, конечно, языки – греческий, латынь, а также татарский, немецкий и польский. Прямо полиглота из меня делали. Польский и немецкий я немного знал и в свое время, так что они у меня пошли на ура, а с остальными я справился, похоже, лишь благодаря тому, что кое-какая информация осталась, так сказать, в теле. Хотя чем дальше, тем меньше это меня выручало.

То ли вызванное, образно говоря, переселением душ возбуждение в коре мозга начало понемногу затихать, то ли знания – штука тонкая, но довольно быстро я понял, что за исключением тех крох, что упали на меня благодатью небесной в первые две недели, все остальное придется учить самому. Ну да невелик и труд, если разобраться. Плотность знаний в это время куда как более низкая, чем в мое, что частично вызвано слабой систематизацией материала и совершенно неотработанными методиками преподавания, а более всего просто малым объемом знаний. Сейчас мне было понятно, как великие ученые Средневековья, типа того же Леонардо из Винчи, могли быть такими разносторонними. Просто ищущий ум, ну и приличная память позволяли накапливать и удерживать в голове достаточно существенные объемы знаний в разных областях вследствие того, что самих этих знаний пока было – кот наплакал. То есть я имею в виду *научные* знания. Всякого, так сказать, фольклора тут как раз было, наоборот, – хоть жопой жуй. А вот учить здесь пока совершенно не умели. Так, вываливали тебе на темечко некую кучку разных и очень слабо систематизированных сведений и чуть ли не палкой заставляли все это зазубрить. Не слишком напирая на понимание. Такие вот педагогические методики...

Но, с другой стороны, учить четырем арифметическим действиям, отягощенным только лишь простыми дробями, человека, который в свое время освоил актуарные расчеты... Неудивительно, что учителя возымели привычку жаловаться на то, что я стал невнимателен. Правда, пока еще дядьке, а не отцу. Но я надеялся в ближайшее время довести их до того, чтобы вопросами моего образования вплотную заинтересовался и папашка. Зачем мне это надо, спрашиваете? А все дело в том, что это было частью моего плана. Плана выживания.

Получив статус выздоравливающего, я побродил сначала по царским палатам, а затем и по Кремлю, все время сопровождаемый дядькой Федором. Его неизменное присутствие рядом с царевичем, похоже, послужило лишним подтверждением и так ходивших по Москве слухов о болезни и немочи юного наследника царя Бориса. Бояре, дьяки, стрельцы, конюхи, стряпухи, кто в открытую, кто исподтишка, пялились на нас и, покачивая головами, принимались бурно обсуждать животрепещущую новость. Но я не обращал на них никакого внимания. Мне требовалось как можно быстрее разобраться в ситуации и избавиться от опеки дядьки. Ну или заметно ее уменьшить. Потому что у меня были свои планы, в реализации которых подобная опека могла только помешать. Поэтому я, встав рано, почти на заре, что, впрочем, как выяснилось, было вполне в обычаях, причем как знати, так и простолюдов, вызывал к себе дядьку и отправлялся в путешествие, неумоимо тыкая пальцем (ну иногда, когда на нас самих пяли-

лись уж совсем открыто, кивая подбородком и просто спрашивая) во всех и все, что видел, задавая кучу вопросов: «А кто это? А что это? А как это?» Спустя полторы недели дядька Федор взмолился:

– Царевич, ты меня кое о чем уже по третьему разу спрашиваешь! А про некоторое я тебе и никогда до сего времени не рассказывал.

Вот тут-то я и понял, что, так сказать, пользователь исключен из системы сервисной поддержки. И трюк, так удививший меня с молитвами, более не срабатывает. Но не слишком огорчился. В конце концов, учиться я любил и умел. Ну и к тому моменту у меня уже начал вырисовываться некий план, направленный на то, чтобы резко повысить шансы на выживание сына царя Московского и Всея Руси Бориса Федоровича Годунова. На возможности самого царя-батюшки (моего батюшки, между прочим) я скромно решил не покушаться.

Начал я тем же вечером, когда сей факт родственных отношений был доведен до моего сознания, в первый раз вдоволь помучив дядьку Федора своими бесконечными «зачем» да «почему» и разобравшись с датами. Кстати, никакого, скажем, тысяча пятьсот девяносто девятого года от Рождества Христова, каковой, судя по информации моих учителей-«немцев», вроде как должен был быть, на дворе отродясь не было. А был самый что ни на есть семь тысяч сто седьмой, но уже от Сотворения мира...

Суюмбике, оказавшаяся татаркой, из казанских, да еще из какой-то очень знатной семьи, в детали я не вдавался, по-прежнему перед сном поила меня отваром. Но уже не тем, что прописал дохтур для того, чтобы «сохранять внутреннее спокойствие и содержать все телесные органы и железы в надлежащем для выздоровления состоянии», а чем-то вроде витаминного коктейля. На вкус варево также было не слишком, но, судя по внутренним ощущениям, пользу приносило. Так вот, когда, напоив меня этим отваром, Суюмбике поцеловала меня в лоб и тихо удалилась, я укрылся одеялом по шею и принялся тщательно обдумывать план своих дальнейших действий. Вариант с покиданием страны я решил пока отставить в сторону. Куда бы я ни слинял – такой стартовой позиции, как царевич и наследник престола, мне более нигде не добиться. А она сулит множество возможностей как в настоящем, так и особенно в будущем. К тому же англичане – те еще жучилы. Уж я-то с ними успел пообщаться достаточно. Так что спокойной жизни от них не жди. Обязательно втянут в какие-нибудь свои расклады... или выторгуют у воцарившихся Романовых некие преференции для себя любимых, да и удавят меня по-тихому... Значит, надо разруливать проблемы здесь.

Я вздохнул и вплотную занялся планированием. Итак, что мы имеем? Я – молод, то есть совершеннейший сопляк, ни власти, ни возможностей, ни даже более-менее сносного знания ситуации. Более того, в связи с моим явно неадекватным поведением по Москве уже поползли слухи, что царевич, мол, болезный, страдает падучей и все такое прочее. Иными словами, изначально я ни в каком не авторитете. С окружающей обстановкой тоже не все ясно. Ладно, с Семибоярщиной и Шуйским все прояснилось, дядька Федор просветил – они неизвестны, значит, будут позже, и это дает мне еще года два-три на обоих, что, с учетом Лжедмитриев, переносит срок окончания царствования папика где-то не позднее тысяча шестьсот седьмого года, или по-местному – семь тысяч сто пятнадцатого от Сотворения мира. Ну да мы будем считать как привычнее... Значит, голод начался еще раньше, где-то в тысяча шестьсот третьем – тысяча шестьсот пятом годах. То есть самая ранняя дата начала природных катаклизмов – по моим, надобно заметить, совершенно примитивным и дилетантским расчетам – лето тысяча шестьсот третьего года. От этого и будем плясать. Что я могу сделать? Я задумался. Предупредить папика? И что это мне даст? Да и кто меня послушает? Тем более я не могу гарантировать, что не ошибся в расчетах и что катаклизмы не начнутся намного раньше или заметно позже. Что вполне может поставить меня в положение того пастушка из притчи, который все время орал: «Волки! Волки!» и так приучил всех, что брешет как сивый мерин, что, когда по-настоящему пришли волки, ему никто не поверил и не прибежал на помощь. Ну ничего же не

знаю об этом времени, вот ведь зараза! И тут мне в голову пришла мысль. Опаньки! А если сыграть на том поле, о котором мои дорогие современники даже и не подозревают? То есть на поле черного PR. Кто там у нас наиболее опасный? Шуйский, Семибоярщина? Нет, эти вряд ли... Скорее всего, они получили шанс на власть только после того, как папенька ее потерял, ну или помер... ну не помню я, как там все было точно. А вот появление Лжедмитрия вполне могло устроить папику множество неприятностей. Да и остальным тоже. Значит, основным конкурентом будем считать Лжедмитрия. Вернее Лжедмитриев. Хотя если сумеет классически «закопать» первого, остальные, возможно, так и не появятся...

Я некоторое время лежал, и так, и эдак крутя в голове пришедшую мне мысль. А затем с сожалением отодвинул ее в сторону. Пока я ее продвинуть дальше не могу. Нужно провести кое-какие исследования, узнать каналы распространения информации, степень доверия социума к разным типам источников, точно спланировать время вброса (а с этим как раз и самая жопа), и многое, многое другое...

Так, что еще? Нужно озаботиться собственной безопасностью. На царских стрельцов надежды мало. Судя по тому, что я знал (или, вернее, не знал) о сыне Бориса Годунова, в классическом варианте истории они моего, так сказать, донора не спасли. Так что мне нужны свои, личные преторианцы. И надо составить план, где и откуда их взять. Лучшим вариантом было бы повторить идею Петруши Первого и обзавестись собственными Преображенским и Семеновским полками, каковые потом, во время его столь знаменитого правления, еще и служили Петруше нескончаемым источником кадрового резерва... Но юному Пете возможность поиграть в этих живых «кукол наследника Тутти» предоставила его собственная сестрица, чтобы настырный братец не лез ей под руку, пока она рулит Русью. Глупая баба была. Этими «куклами» Петя ее потом и похоронил. Меня же, как я понимаю, папик, наоборот, готовит в наследники. А это означает, что развлекаться с собственными полками мне особенно не дадут. Будут муржить на приемах, званых обедах и заседаниях Боярской думы. Хотя совсем отбрасывать этот вариант не стоит. Бог его знает, как оно там повернется. Тем более что в тысяча шестьсот седьмом мне будет уже восемнадцать. И свои вооруженные люди мне пригодятся. Но вот готовить из них нужно не только и не столько рубак. Причем набирать их следует из самых низов, чтоб все их планы и надежды были бы связаны лишь со мной. Хотя... насколько я помнил, во времена позднего Рима эти самые преторианцы меняли императоров как перчатки. Да и у нас те же преображенцы и семеновцы тоже оторвались. То Лизу на престол возведут, то в угоду Катке ее мужа прикончат. Смерть от апоплексического удара табакеркой по голове... юмористы, блин! Нет, с преторианцами надо быть поосторожнее. Лучше попытаться сделать из пацанов именно кадровый резерв, то есть людей, которые сначала помогут мне выжить, захватить власть, а затем и разобраться со столь обширным бизнесом, как Московская Русь. Но, чтобы усилить шансы на то, что они меня не сдадут, они должны со мной вырасти...

О, придумал! Нужно забавать нечто вроде Царскосельского лицея, скажем... школу царскую! И учить там не только воинскому делу, хотя ему обязательно, обязательно, а то как же они меня защищать будут, но и языкам, математике, физике... ладно, программу продумаем позже. Главное, чтобы все эти пацаны со мной, царевичем, не один пуд соли съели... Хотя это тоже не дает стопроцентной гарантии, но оную, как известно, дает лишь Господь Бог или Госстрах. А его, как и Госужас, я пока еще не создал. И это следующая неременная задача. Собственная служба безопасности. Нет, у тятеньки явно такая есть. Ну не может ее не быть, иначе он бы и дня на троне не усидел. Но все это игры взрослых дядей, которые в период междоцарствования вполне способны (и, убей бог, будут) играть в разных раскладах. Я не я буду, если в классическом варианте истории кое-кто из таких дядей не сдал царевича Федора Лжедмитрию или Ваське Шуйскому, в зависимости от того, кто у них там первый до власти дорвался. И мне надо сделать все, чтобы *со мной* эта история не повторилась. Тут я невольно припомнил классический рассказ Брэдли о том, как некий путешественник в прошлое случайно придал

бабочку, а когда вернулся, там из-за этого настала полная жопа, и ухмыльнулся. Ну не знаю, как там, в будущем, аукнется, но я собираюсь грохнуть тут столько «бабочек», сколько потребуется, чтобы не грохнули меня.

Итак, подведем итог. Первое – необходимо как можно более детально разобраться в обстановке, причем не только в том объеме, который будет доводиться до царского наследника с расчетом на то, что он еще сопляк, но и гораздо более плотно. Особенно политические расклады. Кто тут числится нашими, солнцевскими, так сказать, а кто держит мазу супротив. Пару-тройку имен я уже знаю, того же Шуйского и, скажем, Романовых, совершенно точно свою игру ведут, даже если прикидываются паиньками, ну а с остальными – проясним. А также весь механизм государственной власти. Кто за что отвечает, каким образом осуществляются назначения и проходят распоряжения, как устроена и кому подчиняется армия, как и кем распределяются ресурсы и какие «мыши» завелись, так сказать, в государственных половых щелях. В том, что они там есть, я ни секунды не сомневался. Ну нет и не может быть такой государственной машины, в недрах которой не имелось бы «мышей», очень хорошо умеющих использовать государевы ресурсы для собственных выгод. А значит, умелый человек всегда сможет использовать этих жирных тварей к своей собственной пользе. Прикормив либо, если уж я наследник и вообще почти государь, придавив в нужный момент, дабы ускорить прохождение необходимых тебе команд и распоряжений или, наоборот, замедлить продвижение ненужных.

Далее: прикинуть, как и из кого создать собственную сеть осведомителей и тайных дознавателей. С учетом того что ключевой фигурой, на которую сеть будет замыкаться, явлюсь опять же я, в облике десятилетнего пацана. Ну и параллельно с этим провентилировать вопрос о создании некоего учебного заведения для подготовки своих собственных кадров. И здесь у меня сразу появились кое-какие мысли по поводу того, *как* это можно осуществить. Ну и последнее – подыскать людишек, на которых можно опереться в случае каких-то силовых акций. При условии успешного воплощения в жизнь всех этих задач, шансы на выживание в грядущих катаклизмах царевича Федора, хотя бы даже и не в статусе царевича, повышались до реальных. А если малеха поднапрячься...

С этими мыслями я и заснул...

– Ви опять отвлекайтесь, тсаревитш! Сие есть... есть... недопустимо... Я немедленно соглашать... оглашать... доложить ваш отес! Поелико ваш воспитатель ви не слушать!

Господин Расмуссон был датчанином, поэтому был вынужден общаться со мной на русском, что приводило его в крайнее раздражение. Будь на моем месте истинный Федор, они вполне могли бы использовать латынь, но мне этот древний, но пока еще не совсем мертвый язык¹⁵ давался с трудом. Так что господину Расмуссону приходилось коверкать язык этим варварским наречием, что приводило его в совершеннейшее раздражение. Именно поэтому я и избрал сего достойного господина основным объектом своей изощренной атаки. Тем более что сей господин преподавал мне не только картографию...

Однако все мои планы едва не полетели псу под хвост, причем буквально на следующий день после того, как я все спланировал. Потому что на горизонте нарисовался еще один, и очень важный, фактор, который я совершенно не учитывал. И этот фактор именовался – матушка...

Я как-то упустил из виду, что обычно у детей имеются два родителя. И если с отцами, бывает, дело обстоит не совсем понятно, то есть законный отец то ли родитель, то ли сосед, то ли дюжий конюх, с матерями все однозначно. Кто рожала – та и мать. И их привязанность к детям, как правило, достаточно велика. Возможно, меня извиняло то, что за все время моего пребывания в этом теле и времени матушка меня ни разу не посетила, что явно не слишком

¹⁵ В Средневековье и в начале Нового времени на латыни не только велись все католические богослужения, она была еще и языком интеллектуалов. На ней общались, писали научные труды, защищали диссертации, сочиняли стихи.

характерно для женщины, но, как выяснилось, у нее на то были вполне законные основания. Матушка была на богомолье. В Троице-Сергиевом монастыре, куда отъехала на Вход Господень в Иерусалим, каковой мы, убогие безбожники, в своем таком же убогом и безбожном времени чаще именуем Вербным воскресеньем, и где намеревалась встретить Пасху. Сестрица же, вот коза, ездила вместе с ней, но вернулась раньше, как раз к Пасхе. И за разговором ни разу о матушке не упомянула. Матушка же прибыла на следующий день и сразу пожелала увидеть приболевшего сына.

Судя по тому, как отреагировало мое тело при приближении к палатам матери, царевич Федор к отцу относился с гораздо большей любовью, чем к матушке. Вообще, несмотря на то что знания из этой самой коры моего головного мозга мне уже, похоже, были почти недоступны, что касалось реакций *тела* – с этим все было наоборот, они сохранились почти в полном объеме. Так что к матушкиным палатам я приближался с таким... как бы это сказать, опасливым благоговением. Как ну, скажем, к клетке с любимым... даже не псом, а медведем. Тем более что таковых в Москве держали на многих дворах, а уж на боярских подворьях почти на каждом. Медведи здесь и сейчас были неким аналогом тех же собак бойцовых пород – питбулей или стаффордширских терьеров моего времени. Круто, немного опасно, причем частенько и для самих хозяев, но престижно и заметно поднимает самооценку. Мол, вон я какой, этакую зверюгу у ноги держу... Хотя приведенная мною аналогия все-таки довольно бледная – медведи, на мой взгляд, куда круче любых питбулей... Так вот, к матушке я шел с полным ощущением приближения к любимому, родному, но все ж таки медведю. И почему именно с таким ощущением, я понял сразу же, едва переступил порог.

Любимого и единственного сына матушка встретила упакованная по полной. В тяжелом парчовом платье, в расшитом жемчугами головном платке, пальцы на обеих руках унизаны перстнями, лицо набелено и насурьмлено, сама восседает в высоком резном кресле под стать царскому трону. Но, судя по тому, что никаких особых реакций у меня это вызвало, обстановка была вполне обычной для встречи.

– Подойди, сын, – величественно произнесла матушка. – Сядь.

Я безропотно приблизился и опустился на скамеечку, стоявшую у подножия матушкиного «трона».

– Как здоровышко?

Я еще по пути прикинул, что и как рассказывать, решив не беспокоить матушку излишними подробностями, но тут, наткнувшись на немигающий взгляд царицы, стушевался. Ага, домострой, значит, бабы у них тут забитые... мужние жены безропотные... сейчас... Я шумно вздохнул и выдал:

– По-разному, матушка...

– Рассказывай...

Матушкины покои я покинул с ощущением, что она меня раскусила. Ну не совсем так уж полностью, но подозрения у нее имеются. Единственная моя надежда заключалась в том, что матушка оказалась страшно честолубивой. Недаром даже сына встретила при полном параде. Не мужняя жена – царица!¹⁶ Причем, судя по всему, это отнюдь не для меня такой наряд, она вообще по жизни так себя держит. А в таком случае ей сын нужен. И не просто так, как сын, а во власти. Но не просто во власти, а еще и под ее влиянием. Так что это обстоятельство резко сужало мне поле для маневра. Если я не хочу сильно осложнить себе и так непростую

¹⁶ По свидетельствам очевидцев, Мария Годунова действительно была очень честолубивой и властной. Как писал голландский купец, путешественник и дипломат Исаак Масса, она сильно побуждала мужа предпринимать все для захвата царского трона. Косвенным свидетельством серьезного отношения к ней, как к значимой политической фигуре, служит факт умерщвления ее вместе с сыном, царем Федором II, по требованию Лжедмитрия I. В то время с женщинами так не поступали, предпочитая заточать в монастырь, что гарантировало лишение их всяких прав и возможностей.

ситуацию, следовало постоянно держать матушку в уверенности, что, кто бы я там ни был, она меня контролирует...

Следующие несколько недель я занимался накоплением информации и детальным планированием. Ну и обхаживанием матушки. Где бы я ни был и чем бы я ни занимался, едва только дворовая девка доносила мне, что меня желает видеть матушка, как я бросал все и несясь в ее палаты, где смиренно высиживал на скамеечке у ее трона иногда по несколько часов. Из-за этого часто срывались занятия, и в конце концов дядьке Федору, отвечавшему перед царем за мое образование, это надоело, и он стукнул папику. Тот переговорил с матушкой, которая к тому моменту уже пришла к выводу, что сын я там или не сын, но у нее на крепком поводке, так что длину этого поводка можно вполне безбоязненно увеличить. В конце концов, отец лучше знает, как нужно управлять государством, так пусть и учит, а сама матушка, если что, направит и подскажет. Мальчик-то послушный растет...

– Тсаревитш! Это... это... это есть невысказано... Ви хотеть так и оставайся глупый варвар! Я немедленно идти к ваш отес!

Я оторвался от воспоминаний и несколько мгновений пялился на побагровевшую физиономию толстяка, а затем совершенно наглым образом высунул язык, отчего физиономия господина Расмуссона стала вишневой, после чего бросил свинцовый карандаш, прыгнул с лавки и выскочил в коридор. Там я воровато огляделся и шмыгнул к черной лестнице, которая вела в дальние сени, откуда был выход к конюшням. Расмуссон сейчас настолько сердит, что явно бросится не к дядьке, который тут же появился бы и взял меня в оборот, а прямо к отцу, до которого его допустят далеко не сразу. Следовательно, до того как меня хватятся, у меня есть около часа, а то и полутора свободного времени. Жизнь тут очень неторопливая... Вполне достаточно, чтобы провести одну давно спланированную и подготавливаемую мною тайную встречу, которая должна была продвинуть меня еще в одном направлении моего плана. Я рассчитал все идеально – место, время, объект воздействия... теперь не ошибиться бы в других расчетах. И не нарваться на какие-нибудь внезапные неприятности. Сколько идеально разработанных планов пошли псу под хвост из-за нелепых случайностей... Впрочем, я почти всегда выигрывал у своих конкурентов, потому что никогда не ставил все на один-единственный шанс. Если первая попытка срывалась, у меня уже были намечены подходы ко второй, а если не удавалась и она – уже имелись варианты третьей. Так было и на этот раз, но, на мое счастье, все удалось с первой попытки...

Когда я подошел к условленному месту, мои конфидененты уже были там. Мальчишки в любом возрасте очень плохо умеют соблюдать тишину. Пожалуй, когда я заведу свой лицей, надо будет обратить на это особое внимание... Я уже подходил, когда послышался недовольный голос:

– Ну и что тут такое интересное?

– Подождите, – тихо прозвучало в ответ.

– Чего?

Я усмехнулся, представив, какие сейчас рожи будут у пацанов, и громко ответил:

– Не чего, а кого... Меня!

Да, все так и случилось. Вдоволь налюбовавшись на разинутые рты и вытаращенные глаза, я присел на валявшийся у стены обрубок бревна, из которого, похоже, щепали дранку для крыши, и весело произнес:

– Ну, привет, люди московские.

Пацанята нестройно поздоровались, во все глаза пялясь на меня. Конюх, которому я поручил привести сюда своих приятелей, также получил немалое удовольствие... Эту ватажку мальчишек я впервые заметил недели полторы назад. Во время свадьбы дочери думного боярина Гуринова, к которому отец в это время благоволил. Причем настолько, что дозволил провести венчание в Успенском соборе. Вот около него я их и заметил. Ребята промыш-

ляли тем же, чем и остальные, – собирали деньги, которыми обсыпали молодых при выходе из собора, пока они шли к свадебному возку. Но, в отличие от остальных, эта ватажка оказалась сбитой и крепкой. И когда один из конкурентов попытался было наехать на одного из ватажников, все моментом бросили свой гешефт и ринулись ему на помощь. И не отступили даже перед превосходящими силами противника. Поэтому я сразу же взял ребят на заметку. К конюху я начал присматриваться буквально в тот же день, остальные пока были мне недоступны, поскольку покидать не только Кремль, но даже царские палаты я мог лишь в сопровождении. Однако на Вознесение Господне я заметил одного из этой ватаги у Лобного места, тот торчал в толпе, собравшейся поглазеть на патриарха. Судя по тому, что я увидел, паренек был не один, а с братом и, вероятно, другими сродственниками. Во всяком случае, тот дюжий парень, на шее которого он сидел, судя по возрасту, отцом ему быть никак не мог. Пострадав пару дней вследствие полной невозможности собрать на этих ребят побольше информации, я решил рискнуть. Ну кого еще я мог по молодости лет завербовать в свои доглядчики, как не таких же сопляков, как и я сам? А информация была нужна, нужна как воздух...

– Желаем здравствовать, государь-царевич, – несколько напряженно приветствовал меня парнишка, которого я видел у храма Покрова. Похоже, он был в этой ватажке за лидера.

– И вам того же, люди московские, – отозвался я, широко улыбаясь и стараясь держать руки и ноги нескрещенными. Как-то мой психолог прочел мне целую лекцию о невербальных знаках общения, и я помнил, что скрещенные руки и ноги означают закрытость, нацеленность на защиту, оборону, а мне сейчас требовалось установить с пацанами максимально доверительный контакт. – Небось гадаете, зачем я вас сюда зазвал? Так вот слушайте...

Разговор получился. Хотя попотеть пришлось изрядно. Но мальчишки есть мальчишки... услышав версию о тайных недоброжелателях, специально распространяющих слухи, порочащие царевича, а может, и вовсе желающих извести его в угоду злобным татям (без персонификации оных), они тут же загорелись желанием поймать таковых. И мне пришлось приложить немало усилий, убеждая их, что ловить никого не надо, сыскивать тоже, а вот какие слухи на Москве ходят, я бы знать очень хотел. А то меня по младости лет никто ни во что не посвящает. А сие обидно и делу помеха. Ну насчет ограничений по младости лет они были полностью в курсе, так что посочувствовали мне вполне искренне. Я же строго-настрого предупредил их, что ничего, кроме слухов, от них не требую. Никаких имен, примет и кто с кем знается от них и слышать не хочу. Не то чтобы меня это действительно не интересовало, но рано, рано... Ежели они с такими же воодушевленно горящими глазами, с какими уходили от меня, начнут учинять в городе розыски, то спалятся на раз. И ладно бы их просто шуганули, а ведь, не дай боже, нападут на что-то действительно серьезное – так ведь придушат, и все. Времена нынче такие, что жизни человеческой, что взрослого, что ребенка, цена в базарный день – полденьги, полушка то есть. Причем ребенка как бы и не дешевле. Пока мне было достаточно самого факта сотрудничества. А уж там поглядим, кого учить, натаскивать, кого потихоньку в сторонку оттереть, чтоб каким другим полезным делом занялся.

Я, конечно, во всяких там КГБ-ФСБ не служил, но Константин меня в этом деле очень мощно натаскивал. Он вообще говорил, что большинство действительно серьезных утечек идет не через внедренных агентов или там прослушки. Все это беллетристика. Больше всего секретов разбалтывают первые лица. Походя. По пьяни, в бане, в разговоре с симпатичной телочкой или смазливой журналисточкой, хвастаясь перед приятелями и так далее. Поэтому построить грамотную систему безопасности без плотной работы с этим самым первым лицом – нечего и думать. Так что кое-какие основы я знал, и что во всяких там криминальных романах действительно серьезно, а что так, пурга для создания антуража, мы с ним тоже частенько обсуждали. Во время полетов преимущественно. Лететь-то скучно. И распечатки, которые надо срочно посмотреть, тоже не всегда при тебе. Да и если перелет долгий, скажем, в Сингапур, Аргентину или Австралию, рано или поздно от любых бумаг ум за разум зайдет, и потянет разве-

яться, почесать языком... Кстати, занять свой бизнес-джет для перелетов тоже была его идея. Как раз для того, чтобы даже в долгих полетах, когда становится скучно и тянет с кем-нибудь почесать языки (скажем, с симпатичной соседкой по салону первого класса), вокруг шефа был бы свой, проверенный персонал... Я надеялся, что мой первый блин не окажется комом и из сегодняшней встречи вырастет нечто полезное...

А вечер принес мне еще одну победу. Как я и рассчитывал, господин Расмуссон наябедничал отцу. Когда я уже укладывался спать, испив привычный отвар, принесенный мне одной из тех старух, что сидели у моей кровати, когда я числился совсем больным, в горницу влетела Суюмбике. Вот уж кто мне был ближе родимой матушки, так это она.

– Ой, царевич, – запричитала она, хлопая руками, как курица крыльями, – царь-батюшка тебя провезать идэт!

Я сел на кровати. Вот оно! Ну держись, царевич Федор, царь-батюшка это тебе не сопливые пацаны...

Царь-батюшка был немного навеселе. Видно, славно посидел с ближними боярами, тем же Бельским, например, что моей матушке двоюродным братом приходится, или Сабуровым. Я уже начал слегка разбираться в придворных раскладах... И это только добавляло шансов на осуществление моего плана.

– Здравствуй, сын. – Батюшка попытался сурово нахмурить брови, но, видимо, настроение у него было слишком уж благодушное, поэтому сия суровая гримаса вышла у него не очень. – Что же это мне Федор докладывает, что ты учиться стал с небрежением? Учителей не слушаешь. Совсем неслухом стал. А давеча твой учитель сам прибежал на тебя жаловаться.

Я пару мгновений испуганно смотрел на батюшку, а потом искривил свое детское личико в плаксивую гримаску и тихонько заплакал... Нет, воистину дети способны манипулировать взрослыми как никто. Стоило слезам потечь из моих глаз, как на лице батюшки тут же появилось выражение раскаяния. Он неловко повел плечами и, присев на кровать, осторожно погладил меня по голове. Я же уткнулся ему в грудь и облегченно разревелся в полный голос.

– Ну будет, будет... О чем горе-то? – бормотал царь, сидя рядом со мной и глядя меня по голове. – Не плачь. А вот я велю тебе завтра леденцов наварить.

– Леденцов? – живо отозвался я, все еще хлюпая носом. – А каких?

– Да петушков.

– На палочке? – ахнул я.

– На палочке, – ласково улыбаясь, кивнул царь. – Но только, чур, учиться будешь с прежним прилежанием. – Тут голос батюшки дрогнул, и он продолжил очень проникновенно: – Я ведь из тебя, сынок, великого государя сделать хочу. Такого, чтобы все иноземные короли и кесари ровней тебя считали. Я возмечтал, чтобы и страна наша, кою они Московией кличут, также вровень с самыми великими иноземными державами стала. С Речью Посполитой, с державой Римской, с королевством свеев, с Османией... И мою мечту тебе, сынок, в жизнь воплощать придется. А для сего очень многое знать и уметь надо. И иноземцев, у коих нам многому научиться следует, привечать, а не дразнить. Понимаешь меня?

Я молча кивнул, а сам ошеломленно пялился на Бориса Годунова. Так вот оно как... Царь Борис, оказывается, далеко заглядывал. И правильно в общем-то. Петя Первый не единственный такой умный оказался. И до него, выходит, цари не только на печи сидели и девок щупали. А я-то все дивился, сколько при дворе немцев да поляков околачивается. Да и остальных немцев было изрядно. И вообще, оказывается, немец – это прозвание всех иностранцев, скопом. То есть людей, кои по-русски говорить не умеют или с большим трудом изъясняются. Немые, так сказать... А ежели требуется национальность уточнить, так и говорят – «английский немец», «хрэнцузский немец» или, скажем, «гишпанский». Свое название имеют лишь соседи – поляки, свеи, ливонцы, татары... Так вот, таких немцев по Кремлю шлялось довольно много. Причем не праздных, а к делу приставленных – наемников воинских, при Аптекар-

ском приказе, мастеров-печатников, что в патриаршей типографии трудились, и многих других. Нам-то в голову вбили, что это только при Петре Первом Россия из своей дремучей сиволапости вылезла и начала, мол, в европейскую державу обращаться, а тут, оказывается, задолго до этого все началось... Я так сильно был ошеломлен этим открытием, что едва не упустил момент...

– Ну все, сынок, – начал царь, отстраняя меня и собираясь подниматься.

– Батюшка! – отчаянно вскричал я, вцепляясь в него ручонками.

– Да?

– Я ведь потому, батюшка, отвлекаться начал, что скучно мне одному всеми этими науками овладевать. Инда обсудить чего хочется, поспорить с кем-нибудь, а то и посмеяться над кем, кто не сразу разберется. А не с кем. И учителя не все, что хочется узнать, знают. Я, бывало, спрашиваю, а этот Расмуссон губы так подожмет и... – Я скривил губы и очень похоже произнес: – «Йа ошень фас просить не отфлекаться, херр тсаревитш...»

Батюшка удивленно воззрился на меня, а затем рассмеялся. И я почувствовал, как мое маленькое сердечко просто затрепетало от радости. Эх, мальчик-мальчик, не знаю уж, куда тебя унесло из этого тела, но папку своего ты, видимо, очень любил. Вот ведь зараза какая...

– Ну что ж, сынок, этому делу помочь нетрудно, вон у боярина Головина сынок твой погодок, да и у Вельяминовых...

– А знаешь, батюшка, что я придумал? – с детской непосредственностью перебил я его.

Царь недовольно нахмурился, но сдержался и спросил:

– Что же?

– Прости, батюшка, что перебил, – повинился я и, когда суровые складки на лице отца вновь разгладились, продолжил: – Смотри, батюшка, ты мне сам рассказывал, сколь много людей служилых, бояр да детей боярских в войнах и походах за землю нашу голову сложили. И сколько их жен вдовью долю мыкает при одном дворе крестьянском...

Взор батюшки слегка затуманился. Видно, вспомнил свою молодость, службу, приятелей своих по опричному войску...

– ...вот я и подумал, – продолжил я, – как можно и мне приятелей в учебе отыскать, и тем вдовам и сиротам вспомоществование оказать, дабы все видели, что семьи тех, кто за родную землю да по царской воле голову сложили, без опеки и заботы царя никак не останутся. – Я замолчал. Для первого раза достаточно. Теперь нужно дать время царю обдумать предложение сына. И потому я просто приник к груди отца, тихонько замерев.

Борис Годунов некоторое время сидел, прикусив ус и уставив взгляд в пространство, а потом хмыкнул:

– Вона ты чего надумал, сынок... Что ж, скажу тебе – мысль дельная. Вот токмо как поступить с ней – не знаю. Таковых детей по Руси-матушке знаешь сколько наберется? Никакой казны не хватит всех на кошт брать. А коли одних брать, а других нет – не по-божески получается.

– Ну... батюшка, – тут же отозвался я, – на такое дело казны не жалко. Вот ты говоришь, что мне нашу Русь вровень с иноземными державами поднимать надобно будет. Так ужели ж я один с сим делом справлюсь? А тут рядом со мной сотоварищи мои верные будут. И по детским играм, и по учению. Да не просто сотоварищи, а все люди образованные, иноземным языкам и многим наукам обученные. Нешто сие плохо будет?

Батюшка оторвал меня от своей груди и удивленно воззрился на меня в глаза.

– Да уж, сынок, – произнес он, качая головой, – вона как ты далеко мыслишь. Я думал, ты просто сотоварищей для шалостей ищешь, а ты о благе государства думаешь.

Я улыбнулся.

– Так ты, батюшка, сам мне все время о том толкуешь. Как мне о том не думать... – Я сделал паузу, а потом, решившись, выпалил: – А хочешь, батюшка, я тебе, ну как бы по учебному заданию, все, что я думаю про сию школу царскую, распишу?

– Школу царскую... – Годунов улыбнулся. – Ну добро. Распиши. Посмотрим, что ты там напридумывал, озорник.

– И я туда напишу, что мне еще прознать интересно и каких учителей надобно, ладно, батюшка?

Царь добродушно кивнул:

– Пиши уж, неслух. – Он покачал головой и взъерошил мне волосы. – Только давай так договоримся. Ежели я эту твою задумку одобрю, ты шалить и озорничать перестанешь. И учиться станешь прилежно, чтобы учителя на тебя не жаловались.

Я серьезно посмотрел на него и торжественно осенил себя крестным знамением.

– Клянусь тебе в том, батюшка, что, коли ты сделаешь по-моему, не будет в царской школе ученика более прилежного, чем я, и осеняю себя в том святым крестным знамением...

5

А пока юная девица, тако сиза голубица,
А како мужняя жена, то тако ж аки сатана!
Ой, горе-горе, ой, мужняя доля!..

Гудел-гулял московский торг. Близился великий праздник – Преображение Господне, Яблочный Спас... Как и все двенадцатые праздники, он имел этикие подготовительные дни, именуемые предпразднство. И в эти дни народ уже начинал гулять, разогревать себя перед светлым праздником. В церквах уже шли предпраздные службы, святились яблоки, торговцы готовили особенные сласти, которые были куда больше продающихся в обычные дни. А что, в праздник каждому хочется себя, да и чад с домочадцами порадовать, побаловать сладостями и вкусами, посему он готов разориться на вдвое большую сладость. Ну и конечно, слетались в Москву скоморошья ватаги. По моим представлениям, скоморохи были кем-то вроде бродячих артистов или уличных жонглеров, до сих пор частенько встречающихся на улицах европейских городов и городков, правда, нынче уже практически только в туристических местах. В Орийаке вон даже ежегодный фестиваль уличных артистов проводят. Оказалось, все не так... Скоморошья ватаги больше напоминали цыганские таборы и насчитывали по несколько десятков человек. Иногда и под сотню. И на узкой дорожке с таковыми было лучше не встречаться. Вполне могли ограбить и даже прибить. Причем «рынок», так сказать, у них был жестко поделен, и кому, где, когда и сколько выступать – было четко определено. Поэтому если какая ватага забредала не на свою территорию, случались жесткие разборки, во время которых неподготовленного зрителя просто оторопь брала. Вот эти милые, веселые, смешливые люди – и умеют так жестко махать? Ну типа как банды нищих в той, моей, Москве. Вроде бы совершенно убогие, согбенные, еле дышащие старушки и одноногие или вообще без ног ветераны преступных войн антинародного режима, а как пойдут друг друга мочить, так только ОМОН и справляется. Да и то не сразу. Сам однажды видел, как дюжий омоновец в бронике и «сфере» вылетел из толпы старушек и шмякнулся на мостовую, да и остался лежать. На носилках пришлось тащить больного...

Я шел через толпу, крутя головой и примечая все интересное. Это был уже не первый мой выход в город, но я в первый раз вышел без пышной свиты. Не царская, конечно, но минимум человек пять за мной, как правило, волоклось... Сказать по правде, я сбежал. Нет, не один, такой ошибки я бы никогда не допустил, но зато с человеком, которому мог доверять если уж и не стопроцентно, то как минимум настолько, насколько я вообще мог кому-то доверять в этом времени. Да и в прежнем тоже, если уж быть совсем откровенным... Впрочем, я покосился через плечо, человеком того, кто шел вместе со мной, можно назвать с большой натяжкой. Зверь, медведь в человеческом обличье, ночной кошмар... я смотрел на него с гордостью. Мое. Сам надыбал. Никто не помог.

Искать себе личного телохранителя я принялся едва ли не сразу, как получил хотя бы относительную свободу. И искать его я начал не там, где это сделал бы обычный человек. Не среди стрельцов или рынд царских палат, и не среди царевых дворян, и даже не среди лихих кулачных бойцов, на праздники тешащих горожан своим немалым искусством, нет. Я начал его искать в Разбойном приказе...

Константин говорил мне:

– Шеф, телохранитель – это собака. Он должен быть таким же верным и таким же тупым. Но зато с таким же звериным нюхом на опасность. Он не должен прислушиваться к тому, что ты говоришь, лучше всего, если он вообще не будет понимать твои слова. Что бы и как бы ты ни

обсуждал – от проблем бизнеса до театральной постановки, это должно быть ему неинтересно. Потому что в его задачу входит одно – нюхать. Стоять и нюхать. Сидеть и нюхать. Ехать и нюхать. Спать и опять же – нюхать. Все остальное должно быть за пределами его недоразвитого мозга. Если твой телохранитель готов поддержать беседу, рассказать анекдот, рассмеяться над твой шуткой – гони его в шею. Потому что он кто угодно, но только не телохранитель. Ибо, пока он смеется, балаболит анекдот или развлекает тебя беседой, – он *отвлекается*.

Впрочем, *там* я считал, что мне не очень нужны были телохранители, во всяком случае – такие, вот еще, терпеть рядом тупые рожи... если уж брать, то скорее так, силовое прикрытие и люди для всяких поручений. И я себе такого так и не завел. Возможно, поэтому Хромому и удалось то, что удалось, если, конечно, именно он был причиной того, что я здесь оказался...

Так вот, здесь я начал искать себе именно то, о чем мне говорил Константин. И никакого места для поиска подобного экземпляра лучше Разбойного приказа я придумать не мог. Нет, вполне возможно, экземпляр подобных кондиций нашелся бы где-то еще, в конце концов, среди тех же стрельцов я увидел несколько рож, явно не обремененных интеллектом и при этом соответствующих физических кондиций, но опыт жизни *разбойником*, по моим прикидкам, должен был куда более способствовать выработке требуемого мне нюха на опасность. Были еще и кое-какие другие соображения. Скажем, я надеялся, что человек, которого я вытащу из-под виселицы, каковая, однако, не исчезнет совсем с горизонта, а просто отодвинется на то время, что он *остаётся* мне полезен, будет куда более замотивирован на преданную службу.

В приказных избах я вообще стал довольно частым гостем. Ибо одной из задач, которые я перед собой поставил, была необходимость разобраться с тем, как здесь осуществляется управление. Старшим среди приказных дьяков в Кремле был дьяк Василий Щелкалов, чей брат Андрей, ныне уже покойный, был у батюшки в большом фаворе. Впрочем, по рассказам, это была личность совершенно невероятной работоспособности. Местный Ли Якокка¹⁷, так сказать. Василий же, по общему мнению, был калибром поменьше, но зато на лезть реагировал так, как и положено. Так что стоило мне с недельку поиграть в дурачка, восхищенно пялившегося на страшно умного и важного дяденьку, который на самом деле всем в государстве и заправляет... ну по воле царя, естественно, а как же, мы царю-батюшке первые слуги... и меня стали привечать почти во всех приказных избах. Тем более что и там я также играл наивняка. А более всего местному «крапивному семени» импонировало то, что боярам, числившимся главами приказов, я старался на глаза не лезть и байки про тяжкую службу писцову и дьякову слушал исправно.

¹⁷ *Ли Якокка* (Лидо Энтони Якокка) – легендарный американский менеджер, председатель совета директоров «Форд», а затем и «Крайслер», его имя стало почти нарицательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.